

РАДА ЗАРС

БЫВШИЕ

Я НЕ ПОЗВОЛЮ СЕБЯ

уничтожить

Рада Зарс

**Бывшие. Я не позволю
себя уничтожить.**

«Литнет»

2026

Зарс Р.

Бывшие. Я не позволю себя уничтожить. / Р. Зарс — «Литнет», 2026

Десять лет я была хранителем нашего мира, а он — моей опорой. Со временем его взгляд стал скользить мимо меня, как мимо дорогой, но привычной мебели. Я стала фоном. Одно сообщение, пришедшее на его телефоне перечеркнуло всё: годы семейной жизни, счастье, любовь. Теперь между нами война - он хочет уничтожить меня, отняв самое дорогое - детей! Но он ошибся. За тишиной и покорностью родилась сила. Он развязал войну с тенью, но тень обернётся грозой. Посмотрим, Костя, кто здесь на самом деле мебель, а кто — архитектор новой жизни. Я не позволю себя уничтожить! Для читателей старше 18 лет. Встречается ненормативная лексика, откровенные сцены. Проды первую неделю ежедневно, далее - 3 раза в неделю. Книга участвует в литмобе «Война бывших»;

© Зарс Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. Ариадна.	5
Глава 1. Ариадна	7
Визуализация. Ариадна	10
Визуализация Константин Громов	11
Визуализация Ева Федорова	12
Глава 2. Ариадна	13
Глава 3. Константин.	15
Глава 4 Ева	19
Глава 5. Ариадна.	22
Глава 6. Константин	25
Глава 7 Ариадна	29
Глава 8 Константин	31
Глава 9. Ева.	34
Глава 10. Ариадна.	37
Глава 11. Константин	40
Глава 12. Константин.	43
Визуализация Марьяна.	46
Глава 13. Ева	47
Глава 14. Константин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог. Ариадна.

Дверь в его кабинет была приоткрыта.

Моё сердце билось, как птица в клетке...

Тук-тук-тук...

Из щели лился мягкий свет и доносились звуки, которые разрывали меня на части — сдавленные, хриплые стоны, прерываемые влажным звуком поцелуев и его низким, утробным рыком. Этот звук, который я от Кости не слышала годами.

Ком встал в горле и мешал дышать...

Звук этот обжёг меня изнутри, потому что в нём была не просто страсть, а потеря контроля, та самая животная страсть, которой он давно не позволял себе со мной.

Тук - тук - тук...

Моё сердце бешено колотилось, но я толкнула дверь и замерла.

От увиденного сердце пропустило удар, оборвалось и мир перевернулся.

На краю его массивного стола сидела Она: молодая, красивая, наглая, сексуально откинувшись назад, опираясь на локти.

Её юбка была задрана выше талии, скомкана на животе, обнажая длинные, стройные, загорелые ноги в чёрных чулках. Они обвивали бедра моего Кости.

Мой муж стоял между ними со спущенными брюками.

Его руки, большие и сильные, впились в её бедра, оставляя красные отметины на коже, а её голова запрокинута, глаза закрыты, помада на губах размазана.

Костя, склонился над девушкой, алчно ласкал губами её шею, ключицу, его движения были яростными, жадными, живыми.

Стон, безстыдный стон сорвался с их губ практически одновременно.

Моё несчастное, разбитое сердце готово было остановиться, пропуская удар за ударом.

«Как? Он? мог? За что он так со мной? Ведь я любила его, и до последнего верила, что чувства взаимны...»

Предатель!!!...

Костя поднял голову, наткнулся на мой взгляд, и наслаждение на его лице сменилось шоком, а затем вспышкой чистой, животной злобы, что его оторвали от столь желанного тела, от столь сладкой плоти. — Ариадна! Чёрт возьми! Что ты тут делаешь?

Он убрал с себя её ноги. Его движения были нелепы. Он стоял передо мной полностью обнажённый, не считая спущенных штанов.

Я не ответила.

Горечь растекалась на языке.

Я искала в глазах мужа хоть каплю стыда или раскаяния. Но нет, их там не было.

Была только досада и холодная, стремительная оценка ситуации.

Ева вскрикнула, пытаясь прикрыться, её лицо пылало, но я видела торжество в её глазах. Она наслаждалась моей болью.

Я стояла на пороге едва держась на ногах.

Тошнота подкатывала к горлу...

Мне было тошно смотреть на них, но я не могла оторвать своего взгляда от этого такого родного, но уже чужого мужчины, и его любовницы, всё ещё сидящей на столе за его широкой спиной. — Столько лет, — выдохнула я, и мой голос прозвучал хрипло, шёпотом. — Столько лет я верила, что ты просто устаёшь на работе... а ты...

Я набрала в лёгкие побольше воздуха...

— А ты... ты просто не хотел меня. Всё это время!

— Ариадна, подожди!

Он схватил меня за локоть. Его прикосновение стало последней каплей. Я вырвала руку, отшатнувшись от Кости.

— Не трогай меня. Никогда. Больше. Не смей трогать меня.

— Заткнись! Ты ничего не понимаешь! Это не то, что ты думаешь! Это вообще ничего не значит! Это просто...<bg> — Ничего не значит?

Я усмехнулась

— Это твоя настоящая жизнь, Константин? Вот это? На столе? Пока мы с детьми дома ждем тебя...

— Выйди! Сейчас же выйди и жди меня дома. Мы поговорим.

— Мы уже все друг другу сказали.

Я выпрямилась, развернулась и ушла, гордо подняв голову.

Глава 1. Ариадна

Шесть утра.

В доме тихо. Слишком тихо, словно пелена, под которой копошилось всё невысказанное за десять лет.

Я открыла глаза и первым делом почувствовала не вес его руки на животе, а знакомый, сладкий укол боли в груди.

Его ладонь лежала на мне не как на любимой женщине, а как на предмете обстановки — привычно, безразлично, по праву собственника. Но даже этот жест, этот осколок близости, заставлял моё сердце биться чуть быстрее.

Тук... Тук...

Глупая, неистребимая надежда: а вдруг он проснётся и потянется ко мне не во сне, а по настоящему? Несмотря на его холодность и отстранённость я любила его.

Я скользнула из-под его руки и накинула халатик и пошла готовить завтрак.

В кухне царил полумрак.

Кофе для Кости.

Сок для Власа, без мякоти.

Синяя чашка для Вари...

Мысленный список был не рутиной, а тихой молитвой. Молитвой о том, чтобы сегодня всё было идеально. Чтобы он, попробовав кофе, кивнул.

Запах молотых зёрен — его запах, горький и требовательный — заставил меня на миг закрыть глаза. Я поймала себя на том, что вдыхаю его глубже, пытаюсь найти в нём ноты того, другого человека — того, кто десять лет назад в Праге смеялся, целовал мне ладонь и шептал, что этот аромат будет всегда напоминать ему о свободе и обо мне.

Теперь это был просто запах долга. Моего долга перед ним.

— Мама?
 Я обернулась, и всё внутри мгновенно смягчилось, потеплело.

В дверях стоял Влас, мой семилетний мудрец, в пижаме, которую я выбирала с такой любовью.
 — Почему не спишь, моё солнышко? — я присела, беря его руки в свои. Они были такими тёплыми, живыми, честными.
 — Дракон снился. Он был огромный.
 — Самые большие драконы боятся маминой любви, — прошептала я, прижимая его к себе. В этом объятии была вся моя вселенная, вся моя сила и вся моя слабость. — Мамина любовь, знаешь ли, огнедышащая. Иди умывайся, мой герой.

Едва он скрылся, как в кухню ворвался вихрь в розовых тапочках.
 — Ма-а-ам!

Варя, моя пятилетняя радость, запрыгнула ко мне на руки, обвивая шею пухлыми ручками.

— А мы сегодня блинчики с малиновым вареньем будем есть? Точно - точно?
 Её глаза сияли такой безудержной верой в чудо, что у меня сжалось горло.
 — Зайка моя, папа сегодня очень торопится, у него важное совещание, — выдохнула я, и тут же укололась жгучим стыдом.

Я снова принесла маленькое счастье дочки в жертву графику мужа. «Папа» стал синонимом слова «нет».
 — Он же всегда торопится. - голос Вари дрогнул.

Боже, эта детская, беспощадная непосредственность.

Боль... резала мою душу, как лезвие.

Мы стали его тенью.

Воздух загустел, стал тягучим и тяжёлым. Послышались шаги — твёрдые, уверенные, вымеренные. Он всегда ходил по нашему дому, как по завоёванной территории.

Он вошёл, и моё сердце, предательски ёкнуло.

Свежевыбритый, в безупречной рубашке, от него пахло дорогим лосьоном и той непоколебимой уверенностью, которая когда-то казалась мне силой, а теперь была лишь стеной между нами.
— Пап, а ты сегодня на тренировку? — спросил вернувшийся Влас, глядя на него с обожанием, от которого у меня свело живот.
— Обязательно, командир. Порядок должен быть во всём, — он похлопал сына по плечу, и в этом жесте была не столько ласка, сколько демонстрация власти, урок доминирования.

Он сел во главе стола. На трон.

Я поставила перед ним чашку. Его взгляд, быстрый и оценивающий, как луч сканера, скользнул по мне, задержавшись на расстёгнутом вороте халата.

В нём не было ни желания, ни тепла. Проверка. Контроль.
— Выспалась, Ариадна?

Как будто мой сон был частью его имущества, и он проверял его сохранность.
— Да, спасибо,

Я ответила тихо и приглушённо, голос служанки, а не жены.
— Ты хрипишь.
— Это... с утра так, голос не проснулся, — я отвернулась к плите, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец.

Всегда одно и то же.

Как будто перед ним у меня нет ни возраста, ни прав, ни собственного достоинства. Только вечный экзамен, который я заведомо проваливаю.

Я продолжила накрывать на стол.

В этот миг его телефон на столе ожил, вспыхнув синим светом уведомления. Он потянулся к нему с напускной небрежностью, но я уже увидела. Проходя рядом с ним к столу, я увидела, как его взгляд, скользнув по имени «Ева», вдруг стал другим.

Всё его существо, только что непроницаемое и холодное, дрогнуло и потянулось к экрану с такой силой, что это было почти физически ощутимо.

Лёгкая улыбка на уголках губ, обычно плотно сжатых.

В глазах вспыхнул огонь — живой, азартный, голодный. Огонь страсти и предвкушения.

Но не ко мне...

Он быстро набрал ответ. Его пальцы, обычно медлительные и тяжёлые в жестах дома, теперь порхали по стеклу с невероятной лёгкостью и нежностью.

Внутри меня, прямо под рёбрами, выросла и раскололась глыба льда.

Ревность. Конец последней надежды.

Он мог быть таким — живым, страстным, увлечённым. Просто не со мной. Никогда больше — со мной.

Он положил телефон экраном вниз и продолжил завтракать.

Поднял на меня взгляд. Пустота!

Он ещё физически был здесь, но душой — там, с ней.
— Что-то срочное?

Голос дрогнул, выдав всю мою боль.
Он вздрогнул, будто очнувшись.
— Что? Нет. Работа. Ты сегодня как? — он отрезал кусок омлета, даже не взглянув на него.
— Обычно. Школа, сад, потом блог... тот салат, что давно обещаю подписчикам.
— Ага, — он кивнул в пространство. — Только без своих подружек в кадре. Надоели их вечные советы.

Это «надоели» прозвучало как приговор.

Я даже блог не могла вести так, как видела сама.

Мне не полагалось иметь свой круг, свои интересы, свой голос.

Я была частью его идеальной картинки — жены, матери, домохозяйки. Безликой и удобной.

Он встал, поправил пиджак.

Подожёл и его рука обвила мою талию — жёстко, собственнически.

Губы, сухие и холодные, коснулись щеки.

Поцелуй-печать. Поцелуй-клеймо.
 — До вечера.
 — Хорошего дня, — прошептала я в пустоту, где он только что стоял, и в горле встал комок невыплаканных слёз.

Он ушёл и всё словно выдохнуло. Дети снова зашумели, засмеялись.

Я стояла посреди кухни, отравленная запахом кофе и горьким осадком предательства.

Я увидела на столе чёрный прямоугольник.

Его телефон. Это был его алтарь, его связь с тем миром, где он был жив.

Он никогда не забывал телефон. Никогда.

Я подошла, движимая не любопытством, а тёмным, всепоглощающим ужасом подозрений.

Коснулась экрана. Шесть цифр. 170918. Дата рождения нашего сына, он везде её ставил.

Последний открытый чат.

Ева.

И слова, которые вонзились в мозг, как раскалённые спицы:

«Котик, любимый! Жду обеда. Кабинет будет пуст с 14 до 16. Никто не помешает сделать то, что я обещала. А ты пока помечтай, мой Котик. Представь, как это будет...»

Тишина.

Весь мир сузился до этого светящегося экрана.

Я положила его на место. Через секунду вернулся Костя, поняв, что оставил телефон.

— Телефон забыл.

Я улыбнулась вымученной улыбкой, глядя вслед удаляющемуся мужу.

Внутри что-то разорвалось — не с грохотом, а с тонким, хрустальным звоном. Это была не любовь — любовь, упрямая и ранимая, ещё билась в груди.

Разбилась вера. Вера в него, в наш брак, в смысл всех этих десяти лет бесконечных уступок. И в образовавшуюся трещину хлынуло леденящее, чёрное прозрение.

Варя дёрнула меня за халат.
 — Мам, а мороженое? Можно?
 Я посмотрела на неё. На её огромные, чистые, доверчивые глаза. На Власа, который уже напялил рюкзак и смотрел на меня с немим вопросом. И из самой глубины, из того самого места, где копилась материнская любовь, поднялась новая сила — тихая, беспощадная.

Я улыбнулась. Широко, по-настоящему, впервые за долгие месяцы. И дети, увидев эту улыбку, на миг замерли.
 — Конечно, мороженое можно! И знаете что? Мы возьмём его прямо сейчас, по дороге. А салат... салат может и подождать.

В их ликующих криках была музыка свободы.

Внутри меня разгорался новый, ровный, холодный огонь. Огонь матери, защищающей своих птенцов. Огонь женщины, которой больше нечего терять.

Мечтай, Котик. Мечтай о своём кабинете. А я начну мечтать о жизни. Настоящей, а не в твоей тени.

Визуализация. Ариадна

Ариадна Игоревна Громова, 35 лет.

Домохозяйка, жена и мать двоих детей: Власа и Вари.

10 лет живет в браке с Константином Грозовым, который полностью подавляет её. Он не дает ей иметь свой круг общения, подруг. Общение исключительно с мужем, детьми и, редко, с родителями. В начале брака она верит, что её брак удачный, муж любит её и не хочет ни с кем делить. Со временем понимает, что что - то не так, но продолжает надеяться, что все наладится. Хорошая, любящая, отзывчивая.

Визуализация Константин Громов

Константин Станиславович Громов, 40 лет.

Глава компании, занимающейся недвижимостью, муж и отец двоих детей.

10 лет женат на Ариадне Громовой, которую полностью подавляет.

Константин нарцисс и абьюзер, но искусно прячет это от всех до поры. Физически он никого не трогает, но морально... опустошает. Самовлюблённый, циничный, эгоцентричный.

Визуализация Ева Федорова

Ева Дмитриевна Федорова, 25 лет, секретарь Константина Громова.

Несколько месяцев назад стала любовницей своего начальника. Шла к этому осознанно, надеясь занять место его жены. Мечтает о богатой и красивой жизни. Готова на многое, чтобы добиться своего. Малоэмоциональная, наглая, циничная, дерзкая, целеустремлённая, лишенная сантиментов.

Глава 2. Ариадна

Я не могла ждать, не могла вынести ни часа этой лжи.

С этого «моего Котика», который я увидела утром в телефоне Кости, прошло всего несколько часов.

Первый шок отступил и во мне начала подниматься ярость. Эти несколько часов растянулись в вечность.

Я сидела в машине у детского сада, глядя, как Варя машет мне ручкой в окошко, и пальцы впивались в руль.

«С двух до четырех... Никто не помешает...»

Решение пришло моментально. Я должна всё проверить.

Мой блог стал оружием в ту же секунду. Я, с трясущимися руками, но чётким, как лезвие, умом, выложила в сторис:

«Вдохновение на нуле, дорогие. Уезжаю на природу ловить кадры для зимней рубрики. Будет тишина».

Я знала, что он увидит. Он всегда проверял то, что я выкладываю в блоге.

Я не поехала за город. Покружив по городу, я поехала к нему на работу.

Я не думала о последствиях. Во мне горел единственный вопрос, требовавший немедленного, животного ответа: «Правда? Это правда? Может мне показалось?»

Бизнес-центр «Сокол» был безликим и холодным. Я стояла перед ним в 14:15.

Каждая клетка тела кричала: «Развернись! Беги!»

Ноги, будто налитые тем самым свинцом, несли меня к служебному входу. Код. Проклятый код 4581. Я ввела его, и дверь отворилась с тихим шипением, словно впуская добычу в желудок хищника.

Тишина на пятом этаже была гнетущей. Мое сердце колотилось так, что, казалось, эхо разносится по пустому коридору.

Я шла к его кабинету, и время замедлилось.

Дверь в его кабинет была приоткрыта.

Моё сердце билось, как птица в клетке...

Тук-тук-тук...

Из щели лился мягкий свет и доносились звуки, которые разрывали меня на части — сдавленные, хриплые стоны, прерываемые влажным звуком поцелуев и его низким, утробным рыком. Этот звук, который я от Кости не слышала годами.

Ком встал в горле и мешал дышать...

Звук этот обжёг меня изнутри, потому что в нём была не просто страсть, а потеря контроля, та самая животная страсть, которой он давно не позволял себе со мной.

Тук - тук - тук...

Моё сердце бешено колотилось, но я толкнула дверь и замерла.

От увиденного сердце пропустило удар, оборвалось и мир перевернулся.

На краю его массивного стола сидела Она: молодая, красивая, наглая, сексуально откинувшись назад, опираясь на локти.

Её юбка была задрана выше талии, скомкана на животе, обнажая длинные, стройные, загорелые ноги в чёрных чулках. Они обвивали бёдра моего Кости.

Мой муж стоял между ними со спущенными брюками.

Его руки, большие и сильные, впились в её бёдра, оставляя красные отметины на коже, а её голова запрокинута, глаза закрыты, помада на губах размазана.

Костя, склонился над девушкой, алчно ласкал губами её шею, ключицу, его движения были яростными, жадными, живыми.

Стон, безстыдный стон сорвался с их губ практически одновременно.

Моё несчастное, разбитое сердце готово было остановиться, пропуская удар за ударом.

«Как? Он? мог? За что он так со мной? Ведь я любила его, и до последнего верила, что чувства взаимны...»

Предатель!!!...

Костя поднял голову, наткнулся на мой взгляд, и наслаждение на его лице сменилось шоком, а затем вспышкой чистой, животной злобы, что его оторвали от столь желанного тела, от столь сладкой плоти.
 — Ариадна! Чёрт возьми! Что ты тут делаешь?

Он убрал с себя её ноги. Его движения были нелепы. Он стоял передо мной полностью обнажённый, не считая спущенных штанов.

Я не ответила.

Горечь растекалась на языке.

Я искала в глазах мужа хоть каплю стыда или раскаяния. Но нет, их там не было.

Была только досада и холодная, стремительная оценка ситуации.

Ева вскрикнула, пытаясь прикрыться, её лицо пылало, но я видела торжество в её глазах. Она наслаждалась моей болью.

Я стояла на пороге едва держась на ногах.

Тошнота подкатывала к горлу...

Мне было тошно смотреть на них, но я не могла оторвать своего взгляда от этого такого родного, но уже чужого мужчины, и его любовницы, всё ещё сидящей на столе за его широкой спиной.
 — Столько лет, — выдохнула я, и мой голос прозвучал хрипло, шёпотом. — Столько лет я верила, что ты просто устаёшь на работе... а ты...

Я набрала в лёгкие побольше воздуха...

— А ты... ты просто не хотел меня. Всё это время!

— Ариадна, подожди!

Он схватил меня за локоть. Его прикосновение стало последней каплей. Я вырвала руку, отшатнувшись от Кости.

— Не трогай меня. Никогда. Больше. Не смей трогать меня.

— Заткнись! Ты ничего не понимаешь! Это не то, что ты думаешь! Это вообще ничего не значит! Это просто...
 — Ничего не значит?

Я усмехнулась

— Это твоя настоящая жизнь, Константин? Вот это? На столе? Пока мы с детьми дома ждем тебя...

— Выйди! Сейчас же выйди и жди меня дома. Мы поговорим.

— Мы уже все друг другу сказали.

Я выпрямилась, развернулась и ушла, гордо подняв голову.

Я шла по коридору, и стены плыли вокруг.

Спустилась по лестнице, потому что лифта я бы не пережила.

Вывалилась на улицу, и солнечный свет ударил в лицо, ослепляя.

Шаг, ещё шаг, ещё...

Я сделала несколько шагов к своей машине и опёрлась о холодный капот, давясь короткими, сухими спазмами.

Слез не было. Была только всепоглощающая ярость и одно единственное слово, выжженное в сознании.

Предатель!!!

Глава 3. Константин.

Ее тело было всем, о чем я мог думать последние недели.

Молодое, послушное, лишённое растяжек и следов усталости.

Тело Евы.

Не тело жены, которое я знал наизусть, каждую родинку, каждую складку — памятку о двух беременностях, которые я когда-то считал своими победами.

Ариадна... она стала продолжением дома, еще одним элементом уюта, который я обеспечивал.

Мебелью. Любимой, дорогой, но мебелью.

Страсть умерла тихо, задушенная расписанием, детскими соплями и кружками. Во мне бушевало что-то, требовавшее выхода, дикое и неблагодарное.

Тогда в моем кабинете появилась Ева.

Новая секретарша, дерзкая, смотрящая на меня не как на начальника, а как на самца, — это стало взрывом.

Она не говорила о печеньках для школьного буфета. Она говорила о моих связях, о моей силе, и ее глаза при этом темнели. Она ловила мой взгляд на разрезе своей юбки и улыбалась, чуть касаясь кончиком языка верхней губы.

Она была вызовом. Адреналином. И я сгорал от желания обладать ею. Здесь и сейчас.

На этом самом столе, за который я заплатил безумные деньги. Чтобы доказать... себе. Что могу. Что все еще могу.

Это была не первая наша близкая встреча. Мы встречались довольно давно, но всегда где-то за пределами работы или в командировках.

И вот сегодня был выездной семинар для сотрудников. Офис был пуст и моя фантазия со столом наконец могла превратиться в реальность.

И сначала всё было идеально.

Пустой офис.

Закрытые жалюзи и полумрак.

Мой стол и Ева на нём. Такая желанная и страстная.

Появления жены я не ожидал, и когда увидел её стоящей в дверях...

Шок... Нет, не просто шок. Злость. Бешенная злость.

«Какого черта ты припёрлась? Контролировать меня? МЕНЯ!?» — промелькнула мысль...

Да какое она право имела приходить?

В слух же пролепетал какое-то жалкое: «Что ты тут делаешь?»

Когда Ариадной ушла, первым чувством была даже не ярость, а досада. Досада спринтера, которого сбили с дистанции за метр до финиша.

М-м-м...

Почти физическое разочарование.

В кабинете повисла тишина, густая и липкая. Я слышал, как бьётся моё сердце — тяжело, как после спринта.

— Ну вот. - Ева сползала со стола, ее движения были раздражённо - медленными.

Актриса, которую выгнали со сцены в лучший момент её игры.

— Сюрприз, Котик. Теперь у тебя есть и кошечка, и тигрица. Поздравляю.

Это «Котик», прозвучавшее сейчас, было издёвкой.

Я резко обернулся, и мой взгляд упал на неё.

Шелковая блузка висела на ней, как трофейный флаг. Она увидела моё лицо и усмехнулась.

— Что, не по плану? Думал, твоя идеальная жена будет вечно сидеть на кухне и ждать, пока ты соизволишь вернуться с «работы»?

— Заткнись, — вырвалось у меня, голос хриплый от невыплеснутого напряжения. — Никто не спрашивал твоего мнения.

Я шагнул к бару, налил виски.

Надо успокоиться.

Руки дрожали, надо выпить, чтобы дрожь в руках стала менее заметной.

«Да какого чёрта?!» - промелькнула очередная мысль - «Так хорошо всё продумали, она в блоге написала, что уехала за город... Чёрт!»

Чтобы заглушить этот странный, предательский холод под ложечкой я залпом осушил стакан.

— Она не имеет права, — прошипел я, больше для себя. — Врываться сюда. Контролировать меня. У меня своя жизнь!

— О, да-а, — Ева закурила, ее голос был сладким, как яд. — И какая насыщенная жизнь. Тайные свидания в обеденный перерыв. Как подросток. Только подростки не боятся, что их поймает жена.

— Я ничего не боюсь! — рыкнул я в ответ и кулак взлетел...

Удар пришёлся по стойке бара. Стеклянная полка звякнула.

— Она зависит от меня. Всё, что её окружает - купил Я! Она зависит от каждой копейки. У неё нет ничего, кроме того, что Я дал! Она остынет и все поймёт.

— Поймёт?

— Поймёт! — рявкнул я, сам понимая, что несу чушь — на что иначе она жить будет? На доход от своего этого бложика?

Ева фыркнула, выпустив дым колечком.

— Что именно она поймёт? Что ты, такой важный и занятой, находишь время, чтобы трахать свою сотрудницу, пока она вырезает из огурцов сердечки для своего бложика? Она смотрела на тебя, Константин. Я видела ее глаза. Там не было понимания. Там была война.

Последнее слово повисло в воздухе, холодное и тяжёлое, как гиря.

Война?

Абсурд.

С кем?

С Ариадной?

С этой женщиной, которая боится повысить голос на официанта, который перепутал заказ?

— Она не способна на войну, — сказал я, но голос звучал неуверенно даже для моего уха. — Она... Она любит детей. Она сделает все, чтобы сохранить семью. Она проглотит это. Проглотит... Должна проглотить.

Я вспомнил, как целовал ее сегодня утром в щеку. Холодную кожу. Как ее взгляд скользнул мимо меня. Она уже знала? Нет, не могла. Но что-то было. Тишина в ней была другой.

— Ладно, герой, — Ева потушила сигарету об пепельницу в форме моей монограммы. — Разбирайся со своей «мирной» женой. А я пойду. Воздух здесь стал какой-то... затхлый. Пахнет крахом империи.

Она взяла сумочку и пошла к двери, ее каблук отстукивали по паркету тот самый дерзкий, вызывающий ритм, который сводил меня с ума час назад.

Цок-цок-цок...

Сейчас он резал слух.

— Ева.

Она обернулась на пороге, бровь вопросительно взлетела вверх.

— Ты будешь на связи? — спросил я.

Мне нужна была хоть какая-то опора, но я даже себе не мог в этом признаться.

Она рассмеялась. Коротко, беззвучно.

— Посмотрим, Котик. Сначала разберись с пожаром в своей семье. Потом, может быть, позвоню. Ну или увидимся завтра на работе!

Она вышла. Я остался один.

Запах ее духов, дерзкий и чуждый, смешивался с запахом дорогой кожи мебели и моего виски.

И стыда? Нет. Не стыда.

Это была злость. На нее? На себя?

Нет, на Ариадну, которая посмела вломиться сюда и разрушить всё.

«Просто я хотел почувствовать себя живым», — оправдывался я перед собой. — «Разве это преступление? Она сама отдалилась. Дети, бесконечные дети, ее блог... Я просто искал то, чего мне не хватало.»

Я подошёл к окну, упёрся ладонями в подоконник. Внизу копошился город.

Мой город.

Я построил все это. Дом. Семью. Карьеру.

Имел право на маленькую слабость. Ну имел же... право... на эмоции. На страсть, которая не связана с графиком прививок и родительскими собраниями.

Спустя пару часов я набрал номер Ариадны. Долгие гудки. Потом — отказ.

Я сжал телефон так, что хрустнул пластик. Она не брала трубку. Никогда, с самого нашего знакомства, она не смела не отвечать на мои звонки.

Да что она себе позволяет???

Значит, все серьёзно.

Мысль пронзила холодом. Не истерика. Не слезы.

Молчание. Почему - то было страшнее именно молчание.

Я быстро набрал номер няни.

— Марьяна, дети дома? ... Хорошо. С мамой были? ... Ясно. Скажите ей... скажите, что я очень жду ее звонка. Это важно.

Повесил трубку.

Дети дома. Она не увезла их. Значит, думает. А пока она думает, я должен атаковать. Объяснить. Переиграть.

Вечером. Дома. Не по телефону!

Я сел в кресло, закрыл глаза. В памяти встало ее лицо. Не искажённое гневом. Абсолютно спокойное.

От этого спокойствия стало муторно и холодно внутри.

Любил ли я ее?

Да, любил. Просто любовь стала тихой, как сон, а страсть кричала. И я выбрал крик.

Все будет хорошо. Я все контролирую. Всегда контролировал.

Но, глядя на то, что осталось от идеального порядка в кабинете, я впервые почувствовал, что контроль — это просто иллюзия. И ее разрушил не громкий скандал, а тихий щелчок двери.

Здравствуйте, мои дорогие читатели!

Счастлива познакомить вас со своей новинкой, написанной в рамках литмоба «Война бывших».

Вас ждут 7 разных историй, в которых от любви до ненависти всего один шаг.

И перешагнув эту черту, жизнь любящих людей превращается в поле боя!

Они больше не щадят друг друга, но будут ли выигравшие в такой войне?

Ответы в наших историях!

Заходите, читайте! У нас очень интересно и эмоционально!
<https://litnet.com/shrt/U9Zz>

Глава 4 Ева

Дверь лифта закрылась, отрезав меня от его, внезапно опостылевшего, кабинета, от его гнева, от запаха дорогого виски и дешёвой паники.

Ооо, как меня бесят паникующие мужики...

Тишина. Наконец-то.

Я прислонилась к холодной металлической стене и зажмурилась.

Идиот. Жалкий, самоуверенный идиот.

Что я, в самом деле, думала? Что играю с умным, сильным хищником?

Ха-Ха.

Хищник испугался своей же серой мышки.

Увидел в дверях не жену, а призрак расплаты — и в его глазах, вместо ярости, мелькнул тот самый детский, виноватый испуг. На секунду. Но я это увидела.

Весь мой выстроенный мир — мир, где я дёргаю за ниточки могущественного Константина Громова — затрещал по швам.

«Неужели я ошиблась в нём?.. Ну нет же...»

Лифт плавно понёс меня вниз. Я открыла глаза, встретила в зеркальной стенке своё отражение.

Волосы растрёпаны. Шелковая блузка помята. На шее — красноватое пятно. Отметина. След. Глупая, банальная метка измены.

Я потянула воротник, пытаюсь прикрыть её, потом махнула рукой. Какая разница.

Я думала, он другой.

Не такой, как все эти уставшие от семейной жизни папики, которые ищут острых ощущений в постели молодой любовницы, но дрожат при звонке с домашнего номера.

Он казался таким... холодным. Железным. Его восхищали мои наглость, мой цинизм, моё полное отсутствие сантиментов.

Он говорил: «Ты, как я. Мы одной крови».

И я верила. Верила, что нашла, наконец, того, кто ценит силу, а не притворную нежность.

А он, оказывается, просто хотел почувствовать себя молодым. Сильным. Иметь рядом тело без растяжек и разговоров о детских кашах.

Обычная, скучная история.

Я для него дорогой, экстремальный аттракцион.

Лифт звякнул, открыв двери на парковку.

Прохладный, пахнущий бензином и бетоном воздух обдул лицо.

Я вышла, высоко подняв голову. Каблуки отчётливо цокали по бетону, возвращая мне чувство контроля.

Цок-цок-цок...

Шаг.

Ещё шаг.

Ещё... Я не бежала. Я удалялась со сцены достойно, даже если спектакль провалился.

Добралась до своей маленькой красной спортивной машины — подарок, конечно, от него. Села и захлопнула дверь.

Можно выдохнуть.

О-о-о... Да как так-то?

Руки сами потянулись к сигаретам. Зажигалка высекла искру в полумраке.

«Что теперь?»

Мысли метались, как пойманные птицы.

Он будет её ублажать. Клясться, что это ошибка, что она всё для него.

Он бросится спасать свой «идеальный мир», построенный на её покорности и его деньгах.
А я? Я стану крайней.

— Она сама накинута, я был в стрессе, она меня спровоцировала... — передразнила я, представляя, как он перед ней оправдывается.

Старая, как мир, песня.

Я фыркнула, выпуская дым.

Мне нисколько не жаль его.

И уж тем более не жаль её, эту Ариадну с её бложиком про салаты и глазами загнанной лани.

Нет.

Мне жаль потраченного времени. Вложенных усилий. Я ведь не просто так завела эту игру. Я рассчитывала на большее. Не на разовые свидания в кабинете, в гостинице. Я метила выше. Хотела занять место рядом с ним. Настоящее место.

Мадам Громова. Громова Ева Дмитриевна!

Я уже примеряла на себя его фамилию, была уверена, что он в моей власти.

Я мечтала, что Марьиванны и Светланы Петровны за соседними столиками в ресторанах будут смотреть на меня с завистью, а не с презрением к «молоденькой профурсетке».

Мой телефон завибрировал в сумочке.

Константин.

Я отклонила звонок.

Потом ещё один.

О-о-о, ну нет, милый, не сейчас...

На третий отправила короткое сообщение: «Не сейчас. Разберись с последствиями».

Пусть походит по углям. Подумает, что потерял.

Я не дура.

Я понимала — его следующий шаг будет либо попыткой откупиться (чтобы я молчала), либо полным разрывом (чтобы доказать жене свою «верность»).

Второе было вероятнее. Он испугался.

Испуганные мужчины — существа предсказуемые.

Они цепляются за то, что считают надёжным тылом. За свою уютную, понятную, пусть и опостылевшую семью.

Мне нужно было действовать быстро.

Формулировка при увольнении: «Несоответствие корпоративной этике» и всё такое, меня не устраивала. Кто тут нарушил этику первым?

Я завела машину. Рёв мотора успокоил нервы.

Это был звук, который я могла контролировать. Я выехала с подземной стоянки на свет.

Куда? Не домой. Там пусто.

Там только подарки, дорогие вещи, купленные на его деньги, которые теперь напоминали о провале.

Я поехала в бар на набережной. Тот, где мы с ним ни разу не были.

Заказала виски. Тот же сорт, что пил он. Выпила, ощущая, как обжигающая жидкость возвращает чёткость мыслям.

В голове складывался план. Холодный, расчётливый.

«Молчание.»

Никаких звонков, смс, слёзных посланий. Тишина — лучший союзник. Пусть гадают. Пусть его гложет неизвестность.

«Доказательства.»

Всё, что может пригодиться. Скриншоты нежных (ха!) сообщений, где он сам называл себя «котиком». Записи разговоров? Нет, у меня их нет. Жаль. Но кое-что есть.

«Работа.»

Завтра же с утра — идеальная сотрудница. Ни намёка на личное. Только дела, только графики. Если он попробует меня уволить — будет скандал. А он скандалов боится сейчас больше всего.

«Запасной выход.»

Позвонить старому знакомому, который давно звал меня в свой стартап. Не такая зарплата, не такой размах. Но зато своя территория. Без унижения.

Я допила виски, посмотрела в зеркало за барной стойкой. На меня смотрела женщина с безупречным макияжем и холодными глазами.

Женщина, которая не проиграла, а переоценила противника и теперь меняет тактику.

Я заплатила наличными.

Вышла.

Ветер с реки рвал волосы. Я достала телефон. Открыла галерею.

Вот он, спящий в моей постели. Глупый и беззащитный.

Вот наш ужин в Милане.

Вот он дарит мне эти дурацкие, слишком дорогие серьги.

Доказательства. Не для суда. Для него самого. Чтобы напомнить, что было. И что он может потерять, если попробует сделать из меня врага.

Я отправила ему одно-единственное фото. То, где он смеётся, обняв меня за плечи.

Без текста.

Пусть поломаёт голову, что это значит.

Угроза?

Ностальгия?

Прощание?

Потом заблокировала его номер. На время. Нужно дать яду подействовать.

А себе написала в заметки:

«Не забыть: власть — не в том, чтобы быть нужной. Власть — в том, чтобы быть непредсказуемой».

Я села в машину и уехала, растворяясь в вечернем потоке машин.

Игра была далеко не окончена. Она просто перешла в другую стадию. И на этот раз я буду играть по своим правилам.

Без сантиментов.

Без «котиков».

Только холодный расчёт.

Ведь если уж мир рушится, нужно успеть вынести из него самое ценное. А самое ценное — это не мужчины, Ева. Это возможности. И у меня их теперь целая куча.

Глава 5. Ариадна.

Тишина в доме теперь была особенной. Не мирной, а вымершей, как после взрыва. Я стояла посреди гостиной. Всё, что меня окружало - казалось чужим.

Не моим.

Декорации к чужой, прекрасно сыгранной пьесе.

Игра окончена.

Жизнь, моя вера, счастье, любовь разлетелись, осыпав меня многочисленными осколками.

Детей я отправила с няней в парк. У меня было пару часов на сборы до возвращения Кости. Я слышала, как он звонил Марьяне, спрашивал, где дети, а значит скоро приедет.

Я не плакала. Слезы, кажется, высохли в ту самую секунду в кабинете.

Внутри холод и пустота.

Нужно было действовать быстро, пока не отступил шок и пока он не приехал.

Я взяла большие спортивные сумки.

Поднялась на второй этаж, в спальню. Открыла шкаф.

Ряд аккуратных рубашек, отглаженных мной. Дорогие костюмы.

Его запах — лосьон, сигареты, власть.

Я захлопнула дверцу.

Навсегда.

Мои вещи заняли скромную полку.

Простое белье, джинсы, футболки, несколько платьев для съёмок.

Я сгребла их в сумку, не складывая.

Туда же побросала косметику.

Остановилась у шкапулки с драгоценностями. Все украшения мне дарил муж. Я их почти не носила, они были очень дорогие, вычурные, статусные. Мне, собственно, их и носить особо было некуда. Не возьму...

Подумав немного, решила взять на чёрный день. Пока пройдут суды, пока назначат алименты и разделят имущество.

У меня был блог, но он совсем маленький. Я буду искать работу, но нужно время, да и опыта у меня нет никакого. И у родителей на шее я сидеть не могу.

Прошла в детскую комнату.

Здесь сердце сжалось в болезненный ком. Для детей тут был целый мир, целая жизнь.

Я брала самое необходимое: любимые пижамы Власа, плюшевого зайца Вари, без которого она не засыпает, тёплые кофты, документы, медицинские карты, тетради и учебники.

Игрушки... Боже, сколько игрушек. Я схватила два больших мешка и стала наполнять ими, не глядя. Машинки, куклы, конструктор. Всё, что влезет.

Потом спустилась на кухню. Взяла кружки детей, их личные тарелки. Аптечку. Ноутбук, камеру, микрофон — мои инструменты выживания.

Когда я выносила третью сумку в прихожую, зазвонил телефон.

КОНСТАНТИН.

Я смотрела на вибрирующий телефон. Рука сама потянулась...

Нет.

Я отключила звук и перевернула экраном вниз.

Пусть звонит. Пусть сходит с ума. Хотя это не про него...

Через полчаса всё было готово.

Три переполненных сумки, два мешка с игрушками, коробка с моей техникой стояли у двери.

Я огляделась. Это не было бегством. Это было стратегическим отступлением.

Я написала няне: «Марьяна, берите детей и привезите по адресу, который сейчас скину. Вызовите детское такси, ехать за город, деньги компенсирую».

Скинула ей координаты загородного дома родителей.

«Мы с Костей решили... немного пожить отдельно. Временно. Не говорите им ничего, пожалуйста».

Няня, мудрая женщина, ответила просто: «Поняла, Ариадна. Берегите себя».

Я загрузила вещи в машину.

Последний раз обернулась.

Дом, в который я вложила душу, стоял безупречный, но пустой.

Как мавзолеей.

Дорога заняла два часа.

Страх сковывал горло.

А что, если он приедет сюда? От одной мысли меня передёрнуло. Перед глазами ещё стояла «картина из кабинета».

Предатель!

Дом родителей... ключ от калитки лежал под синим горшком с геранью, который всегда стоял на одном месте, даже зимой.

Я знала, где искать. Мама говорила: «На всякий пожарный».

Но я никак не могла даже подумать, что «всякий пожарный» случится так скоро...

Родители были в отъезде.

Дом встретил меня ледяным молчанием и запахом замкнутого пространства.

Не очень большой, бревенчатый, с резными наличниками.

Папина гордость.

Я включила свет, отогрела трубы. Холод постепенно отступал, уступая место тоскливому, но знакомому уюту.

Я стала раскладывать вещи в спальне, которую когда-то делила с сестрой. Детскую устроила в комнате для гостей, сдвинув две кровати вместе.

Няня с детьми вернулась, когда уже смеркалось.

Я знала, что дети попросились в развлекательный центр, и я разрешила Марьяне их туда отвезти. Так даже лучше. Я успею взять себя в руки.

Варя, с сияющими от восторга глазами, влетела в дом, как вихрь.

— Мама! А что мы здесь делаем? Это дача?

— Нет, это дом бабушки и дедушки. Вы просто здесь были последний раз совсем малышами. Поэтому уже не помните.

Родители приезжали к нам сами, в выходной. Я могла навещать родителей в любое время, но без детей.

«У них развивающие занятия, репетиторы, танцы, спорт... Зачем тратить столько времени на дорогу и пропускать занятия. Увидятся в выходной».

И ведь мне самой казалось это правильным. Я словно под гипнозом была.

— Мы что, переезжаем?

Влас был внимательнее и осторожнее. Он смотрел на меня, на сумки в углу и в его глазах был вопрос.

— Да, солнышко, — я присела перед ним, взяла за руки. — Ненадолго. Папа очень занят на работе, а тут... тише. Свежий воздух. Мы с тобой давно хотели посмотреть на звезды в телескоп дедушки, помнишь?

Он кивнул, не до конца убеждённый. Но доверие в его глазах было полным. Няня уехала, пообещав сохранить всё в тайне.

Я накормила детей и уложила их. Варя, уставшая от впечатлений, уснула мгновенно. Влас ещё полчаса ворочался.

— Мам, а папа сюда приедет?

— Не знаю, родной. Наверное, да. Но не сразу.

— Вы поссорились?

Он спросил прямо и просто, как умеют только дети.

— Да, — честно ответила я. — Очень сильно. Но это не ваша вина. Никогда не думай так. Помни, что мы оба вас очень любим. Мы с папой... мы сами должны во всём разобраться.

Он вздохнул, повернулся на бок, и скоро его дыхание стало ровным. А я сидела на краю кровати и смотрела, как лунный свет ложится на его ресницы.

Моя крепость.

Моя сила.

Моя причина дышать.

Глава 6. Константин

Я вернулся домой поздно.
Не из-за работы.
Я пил в баре возле офиса. Один.
Как-то тошно было.
Внутри все еще кипела ярость от ее наглого вторжения, от ее ледяного взгляда. Как будто я ее подчинённый.
Я готовил речь, которую скажу ей сегодня вечером.
Чёткие, неоспоримые слова.
«Ты перешла все границы. Ты унизила себя и меня своим недоверием. Из-за твоей истерики я могу потерять ключевого партнера. Ты хочешь разрушить все, что мы строили?»
Да, вот так.
Поставить ее на место. Она должна знать своё место...
Заставить почувствовать себя ничтожной, виноватой.
Сама же меня толкнула в объятия к другой женщине...
Я вставил ключ в замок, и первое, на что обратил внимание, — неестественная тишина.
Не просто тишина — пустота.
Я прошёл в прихожую.
Вешалка. Половина ее пуста. Нет ее дурацкой розовой куртки, нет детских пуховиков.
Я замер.
— Ариадна?
Мой голос гулко прокатился по дому и утонул в молчании.
— Влас! Варя!
Ни ответа, ни топота детских ног.
Только тиканье напольных часов в гостиной — наглое, размеренное.
Я скинул пальто, не повесив его, и прошёлся по первому этажу.
Кухня. Чисто. Слишком чисто.
На магнитной доске нет ни одной записки.
Ее любимая синяя кружка стоит в сушилке.
Одна. Ярким пятном.
Я толкнул дверь в гостиную.
Игрушки. Куда делись все игрушки? Полки, которые обычно были завалены машинками и куклами, стояли полупустые. Как после обыска.
Сердце начало биться чаще, глухими, тяжёлыми ударами где-то в горле.
— Что за черт? — проворчал я себе под нос и бросился на второй этаж.
Спальня.
Мой шкаф нетронут.
Ее — распахнут настежь.
Пусто.
Несколько вешалок болтаются пустыми.
Яркое пятно голой полки, где лежала ее одежда.
Она взяла всё самое необходимое.
Не импульсивно.
Продуманно.
Детская. Сердце сжалось в ледяной комок.
Шкафы зияли пустотой.
Кровати заправлены, как в гостинице.

Плюшевый заяц, без которого Варя не спит... его не было.
Его синее ухо всегда торчало из-под одеяла. Теперь там был лишь гладкий пододеяльник.
Она увезла детей.
ОНА. УВЕЗЛА. МОИХ. ДЕТЕЙ.
Без слова.
Без предупреждения.
Без моего разрешения.
Да что она о себе возомнила, клуша???
В ушах зазвенела тишина, та же, что была в кабинете, когда она ушла.
По спине пробежала ледяная дрожь.
Осознание полного, абсолютного неповиновения.
Восстание раба.
— Как она СМЕЛА?
Крик вырвался из меня и разбился о стены пустой комнаты.
Я с силой ударил кулаком по дверце шкафа. Древесина треснула с сухим хрустом. Боль пронзила костяшки, но я ее почти не почувствовал.
Внутри все горело белым, калёным пламенем чистой ярости.
Она думает, что может просто взять и уйти?
Украсть моих детей и скрыться?
Она думает, я позволю?
Я ринулся вниз, в кабинет.
Мой план, мои чёткие, выверенные аргументы рассыпались в прах.
Теперь нужны были не слова.
Действия.
Жёсткая, немедленная реакция.
Я сел за стол, грубо дернул на себя ноутбук.
Банковское приложение.
Список карт.
Ее основная карта, привязанная к нашему общему счету.
Дополнительная.
Детские.
Я отмечал галочки, мои пальцы летали по айпаду.
Рука дрожала от бешенства.
«Заблокировать. Заблокировать. Заблокировать».
Подтверждение по смс.
Я вводил коды, стиснув зубы так, что челюсти свело.
Пусть теперь попробует что-то купить.
Пусть попробует снять наличные.
Ни одной копейки.
Ни на еду, ни на бензин, ни на эту свою дурацкую гостиницу, куда она, наверное, потащила МОИХ детей.
Она приползёт. На коленях.
Она поймет, что без меня она — ничто.
Ноль.
Мать-одиночка с двумя детьми на руках и пустыми карманами.
...Но где она?
Эта мысль, острая и неприятная, пронзила пелену гнева.
Я схватил телефон.
Няня. Марьяна. Она должна знать.

Звонок. Гудки...

— Алло, Константин Станиславович?

Голос настороженный. Знает...

— Марьяна. Где моя жена и дети?

Я не стал церемониться. Говорил сквозь зубы, едва контролируя интонацию.

— Они... они уехали, Константин Станиславович.

— КУДА? — сорвался я на крик.

Я даже по телефону чувствовал её дрожь.

— Я не знаю точно. Ариадна попросила отвезти их по одному адресу за городом. Домой к родителям, кажется. Она сказала, что вы... договорились пожить отдельно временно. И чтобы я никому...

— Выполнили приказ жены и молчали?

Мой голос стал тихим, опасным.

— Вы понимаете, что, скрывая от меня местонахождение МОИХ детей, вы совершаете преступление? Я могу вас уничтожить, Марьяна. Не только уволить. Я сломаю вам всю жизнь.

На том конце повисла пауза.

— Константин Станиславович, пожалуйста... Я просто...

— Куда точно вы отвезли МОИХ ДЕТЕЙ?

— Загородный дом ее родителей.

Конечно. Убежала к маме и папе. Как подросток.

— Если вы предупредите ее о моем звонке, — сказал я ледяным тоном, — считайте, что ваша трудовая книжка и ваша репутация — пепел. Вас никто и никогда не возьмёт на работу ни в одно приличное место. Понятно?

— Поня... поняла.

Я бросил трубку. Сидел, тяжело дыша, уставившись в тёмный экран ноутбука.

И тут меня накрыло. Не просто злость. Нечто большее.

Унижение. Она бросила меня.

МЕНЯ!

КОНСТАНТИНА ГРОМОВА.

Она вышла из-под контроля.

Исчезла.

Будто я не хозяин этого дома, своей жизни, а какая-то никчёмность, от которой можно просто уехать без объяснений.

Я встал и начал метаться по кабинету. В голове крутились обрывки мыслей, диких, яростных.

«Она с детьми одна в том холодном сарае. У неё нет денег. Она испугается. Она позвонит. Она обязана позвонить.»

А если не позвонит?

Она упрямая. Глупая и упрямая.

Я подошёл к барной стойке, налил виски и пил стаканами.

Не чувствуя вкуса, не чувствуя жжения. Чтобы залить этот пожар внутри.

Не помогало.

Я швырнул пустой стакан в камин. Стекло разлетелось с резким, чистым звуком.

— Ты думаешь, ты выиграла? — прошипел я в пустоту, представляя ее лицо. — Ты думаешь, украла детей и сбежала в деревню — это победа?

Я покажу ей, что такое настоящая сила.

Я оставлю её без копейки.

Думает, что ей родители помогут? Посмотрим, как долго они протянут, если у них начнутся проблемы с бизнесом.

Я разорю её отца.

Она будет вынуждена вернуться.

Ползать у меня в ногах. Униженная.

Она будет просить у меня прощения за каждый свой шаг.

Но даже сквозь этот ядовитый монолог страх уже пробивался под кожу.

Она не позвонила.

Она не бросилась умолять.

Она просто... ушла. Собрала вещи и ушла.

А я сижу здесь, в своём дорогом, пустом доме, бью посуду и разговариваю сам с собой.

Как последний идиот.

Я подошёл к окну, свет фонаря казался насмешкой.

Все, что я построил, дом, семья, благополучие дало трещину. И всё благодаря моей жене.

Тихая, покорная Ариадна.

«Ладно, — подумал я, и в голове наконец начал вырисовываться новый план. — Играем по-твоему. По-жёсткому. Завтра я найду лучшего адвоката по семейным делам в городе. Я начну процесс о лишении тебя родительских прав на основании того, что ты неуравновешенная, безработная, похитила детей и скрываешься. Я опутаю тебя судами, ты сойдёшь с ума. А дети... дети вернутся ко мне».

Я глотнул виски и продолжил уже вслух:

- Они моё продолжение. Мои наследники. А ты станешь для них просто воспоминанием.

Той мамой, которая сошла с ума и бросила их отца. Ты станешь никем.

От этой мысли стало немного спокойнее. Это был план.

Действие.

Контроль. Я верну его. Я верну все.

Глава 7 Ариадна

Утром началась новая жизнь.

Я отвезла Власа в местную школу — к счастью, документы были со мной, и директор, знавший папу, пошёл навстречу.

Варю устроила в сад в соседнем посёлке.

Мир не рухнул.

По дороге заехала в магазин, купить самое необходимое, чтобы приготовить еду: хлеб, молоко, любимый йогурт Вари, сырки, которые любит Влас, фрукты, курицу, овощи на суп.

На кассе, расплачиваясь картой, обнаружила, что карта заблокирована. Карта была привязана к счёту Кости. Достав немного наличных, я оплатила покупки и поехала домой.

Дома я села за ноутбук.

«Юрист. Развод. Раздел имущества. Москва».

Поиск выдал десятки имён. Я выбирала тех, у кого в специализации было «сложные бракоразводные процессы с высоким уровнем дохода супруга».

И звонила.

Первые три отказали, только услышав фамилию «Громов».

Четвёртый, молодой и самоуверенный, начал рассказывать о баснословном гонораре авансом. У меня не было даже его десятой части.

И тогда я нашла её.

Анна Семёновна Зацепина, адвокатское бюро Коврова. Их сайт был простым, без пафоса. В графе «принципы» значилось: «Защищаем интересы женщины и детей».

Позвонила.

Голос у неё был спокойным, уставшим, но не безучастным.

— Громов... Константин Громов? Да, я знаю, кто это. У вас есть доказательства измены?

— Я застала их. В его кабинете. У меня есть... — голос дрогнул, — есть скриншот переписки.

— Это хорошо. Но недостаточно для серьёзного раздела. Он уже предпринимал что-то?

— Он... Я только что попыталась оплатить продукты в магазине. Карта заблокирована.

На том конце провода повисла короткая пауза.

— Классика. Пытается взять на измор. У вас есть свой доход?

— Есть блог. Небольшой. И... родители могут помочь.

— Родители — это хорошо. Но вам нужны деньги на жизнь и на мои услуги. Подадим немедленно заявление на алименты. Даже в рамках брака. Это заставит его сесть за стол переговоров. А потом будем думать о разделе. Вы готовы к войне, Ариадна? Он не отдаст ничего просто так. Это будет грязно. Он будет использовать детей. Будет копаться в вашем блоге, искать компромат. Будет давить морально.

Я смотрела в окно на замёрзший сад.

— Я готова, — сказала я, и в голосе не было ни тени сомнения. — Больше терять мне нечего.

Мы договорились о встрече через три дня.

Анна Семёновна согласилась взять предоплату символическую, остальное — после решения по алиментам.

Это была не милостыня. Это был договор о взаимовыручке между двумя женщинами, которые слишком хорошо знали цену мужскому слову.

Вечером того же дня, уложив детей, я попробовала перевести немного денег с карты на счёт мобильного. На экране всплыло холодное: «ОПЕРАЦИЯ ОТКЛОНЕНА».

Я открыла свой блог.

Подписчиков — чуть больше двадцати тысяч. Не космос, но и не ноль. Нужно вернуться к блогу, он сейчас мой единственный источник дохода, нельзя его запускать. Нужно работать и развивать.

Я не собиралась выносить сор из избы. Не хотела видеть в комментариях ни жалости, ни хейта с мерзкими намёками на то, что я жалуюсь специально, чтобы собрать денег.

Моя боль не была контентом. Моя борьба — не шоу.

Я сняла на телефон короткое, тёплое видео прямо здесь, на кухне, при свете керосиновой лампы (в доме внезапно отключили свет). Но о проблемах — ни слова.

«Дорогие мои. Знаете, иногда жизнь вносит свои коррективы в наши планы. Сегодня вместо сложного рецепта — простой куриный супчик. И разговор о самом важном. О том, что сила — не в том, чтобы никогда не падать. А в том, чтобы каждый раз находить в себе силы подняться. И приготовить этот супчик. Потому что кто-то ждёт его дома».

Дальше кадр с детскими руками, лепящими из теста смешные фигурки.

Я говорила о стойкости. О доме. О тихом мужестве будней.

Никаких подробностей.

Ответ пришёл не в деньгах, а в словах.

Комментарии: «Ариадна, вы молодец», «Это видео — как глоток воздуха», «Вы делаете нас сильнее».

Они не знали правды, но чувствовали её. И это была лучшая поддержка. Она не унижала. Она возвышала.

Наутро я проснулась от смеха детей, которые возились на старом диване.

Накормив детей, я вышла на крыльцо.

Морозный воздух обжёг лёгкие.

В кармане лежали последние пять тысяч наличными, которые я когда-то отложила «на всякий случай».

Ещё был перевод от мамы с лаконичным «держитесь» и обещанием помочь с первым взносом юристу.

Я была одна, но с поддержкой.

Без его денег.

В холодном доме.

С двумя детьми на руках и грудой проблем.

Я смотрела на розовую полоску зари над тёмным лесом и чувствовала не страх. А тихую, невероятную, окрыляющую свободу.

Пусть он думает, что загнал меня в угол, отрезав от ресурсов.

Пусть.

Угол этот был мой. И отсюда, из этой тишины, из этой честной бедности, я начинала свою новую жизнь. Для себя. Для детей.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в ещё одну эмоциональную новинку нашего литмоба “Война бывших”:

Лаура Тит “Мой Боец”

Я научилась дышать под ритм его сердца. Но в моей памяти жил другой тот, чей яд вьёлся под кожу. Два Скорпиона. Два спасителя. Один научил меня падать, другой подниматься. Чтобы выжить, мне придется убить в себе того, кто однажды был для меня всем.

**
 Ссылка на книгу: <https://litnet.com/shrt/Ehty>**

Глава 8 Константин

На следующий день я не поехал на работу.

Дома снова эта гнетущая тишина.

Она проникла во все щели этого дурацкого, слишком большого дома.

Раньше я никогда не слышал этой тишины. Ее заглушали детские крики, голос Ариадны из кухни, телевизор, ее шаги по лестнице.

Теперь не заглушало ничего.

Я снова пил...

Взгляд скользил по вещам, каждая кричала о ней.

Вот плед, который она купила, потому что «он такой уютный, Костя».

Вот дурацкая ваза, которую она слепила на мастер-классе и гордо поставила на самое видное место.

Фотография на пианино — мы с детьми, она за кадром, я это знал, потому что помнил тот день. Она всегда была за кадром. А теперь и за кадром не осталось.

Одиночество накрыло неожиданно тупым, тяжёлым ударом под дых.

Это была физическая пустота.

Дом превратился в красивую, выхолощенную оболочку.

Музей нашей прежней жизни. И я был в нем единственным, ненужным экспонатом.

— Соберись, Громов, — я опять разговаривал сам с собой — Ты что, маленький мальчик? Боишься остаться один в своём доме?

Ещё одна проблема — быт.

Я открыл холодильник. Он ломился от еды, которую закупила Марьяна по списку Ариадны.

Йогурты для Вари, сок для Власа, ее любимый творог с ягодами.

Моя полка была почти пуста: пиво, дорогой сыр, маслины.

Я не знал, что буду есть на завтрак. Не знал, где лежит пакет с макаронами. Ариадна всегда... Всегда.

Я захлопнул дверцу и потянулся за сигаретой.

Может позвонить ей... И что я скажу. Я знал причину её ухода.

Попробовать оправдаться? А почему я должен это делать? Она ушла не поговорив, не выслушав... А я оправдываться должен? Да с какой стати?

В груди опять начала подниматься злость...

Курил прямо на кухне, чего никогда не позволял себе раньше.

Пепел падал на идеально чистый гранит столешницы. Мне было плевать.

Я взял телефон. Пролистал контакты.

Деловые партнёры, подчинённые, несколько старых друзей, с которыми давно не виделся.

Позвонить им? Что сказать?

«Приезжай, мне одиноко»?

Они бы содрогнулись от жалости или хихикнули за моей спиной.

Константин Громов, железный Костя, сломался из-за того, что жена сбежала.

Мой палец сам нашёл имя. Ева.

Она ответила почти сразу, голос был ровным, чуть насмешливым.

— Котик? Я думала, ты занят спасением семьи, раз на работу не пришёл.

— Заткнись, — прорычал я, но без злости. В ее тоне была знакомая дерзость, которая хоть как-то оживляла этот мёртвый воздух. — Где ты?

— На работе, где же ещё. В отличие от тебя. Чувствуешь себя хозяином пустыни?

Она всегда была точно в больное. Это одновременно бесило и притягивало.

— Приезжай, — сказал я, не думая. Слова вырвались сами, подстёгиваемые тишиной и желанием заглушить ее любым способом.

— Куда? В твой священный семейный очаг? — она фыркнула. — Чтобы Ариадна вернулась и застала нас в той же позе? Нет уж, спасибо.

— Она не вернется.

Я выдохнул.

— Она увезла детей. В дом к своим родителям.

На том конце провода повисло короткое молчание.

— Ого, — наконец произнесла Ева. — Значит, мышка показала зубки. И что, испугался?

— Я? Испугался?

Голос сорвался.

— Я в ярости! Я заблокировал все её карты. У неё нет денег. Она приползёт, я тебе говорю. Приползёт...

— А пока ты сидишь один в особняке и звонишь мне, — констатировала Ева. — Поэтично.

Я зажмурился, чувствуя, как нарастает раздражение, смешанное с отчаянием.

— Ева. Приезжай. Сегодня. Останься. Зачем тебе твоя конура? Переезжай сюда.

Слова повисли в воздухе.

И только произнеся их, я осознал...

Это чудовищно.

А почему бы и нет?

Уходить и забирать детей не чудовищно? Дом пуст. Он должен быть заполнен.

Кем-то молодым, красивым, живым.

Кем-то, кто будет смотреть на меня с обожанием, а не с ледяным презрением. Кем-то, кто заслонит собой призраки детского смеха и ее шагов.

Ева рассмеялась. Долго, искренне.

— О, Боже. Ты это серьёзно? Ты предлагаешь мне переехать в дом, из которого только что сбежала твоя жена с детьми? Стать ее... заменой? Дешёвой заменой?

— Ты ничего не заменяешь! — рявкнул я. — Ты лучше. Ты живёшь. Ты хочешь того же, чего и я. Мы можем все. Здесь. Сейчас.

— Что мы можем, Костя? — ее голос внезапно потерял насмешку и стал холодным, аналитическим. — Сидеть в ее кресле? Спать на ее постели? Готовить на ее кухне, пока ты будешь ждать, не позвонит ли она? Ты предлагаешь мне стать живым громоотводом для твоего одиночества и твоей злости. И жить в доме, где каждый уголок будет напоминать тебе о том, что ты проиграл. Нет, спасибо. Это даже не унижительно. Это просто глупо.

Ее слова резали, как нож, потому что в них была правда.

Унижительная, обнажающая правда.

— Ты не понимаешь.

В моём голосе прозвучала слабость... Я был в ужасе...

— Здесь тихо. Здесь пусто. Невыносимо...

— И ты думаешь, я это исправлю? — она сказала это почти с жалостью. — Ладно, Котик. Послушай меня как друг. Ты не хочешь чтобы я была рядом. Ты хочешь, чтобы тебя пожалели. Но я не из таких. Я не жалеть приеду. Если я туда перееду, это будет только за процент от твоего капитала и с брачным контрактом. Готов обсуждать?

Это был уже не разговор. Это были переговоры.

Холодные, циничные переговоры.

И в них не было ни капли того, чего я жаждал — человеческого тепла, связи, просто другого дыхания в этой тишине.

— Ну ты и сука, — прошипел я беззлобно. Констатируя факт.

— Да, — легко согласилась она. — Но я честная сука. А ты сейчас просто напуганный, одинокий волк в слишком большой конуре. Разберись со своими проблемами. А потом, если захочешь не няньку, а партнера — звони. Но будь готов говорить на языке цифр. Не на языке тоски по ушедшей жене.

Она повесила трубку.

Я сидел, сжав в руке телефон, и слушал, как тишина возвращается.

Теперь она была еще громче. Еще невыносимее.

Я дотащился до спальни. Наша кровать.

Я лёг на свою сторону, уткнувшись лицом в подушку. От неё пахло ее шампунем. Тот самый, с ароматом яблока.

Я вскочил, как ошпаренный, швырнул подушку на пол. Лёг снова. Но запах витал в воздухе. Он был везде.

Я закрыл глаза и увидел не Еву. Я увидел Ариадну. Не ту, что с ледяным взглядом в кабинете. А ту, что смеялась, запрокинув голову, когда мы выбирали этот дом. Ту, что спала, свернувшись калачиком, на моей половине, если ей было холодно. Ту, чьё присутствие было таким же незаметным. Пока не исчезло. А сейчас необходимо, как воздух, но я не хотел это признавать.

Я всегда брал от жизни то, что хотел, а сейчас сидел один на руинах своей идеальной семьи. И единственное, чего я хотел сейчас — это не молодого тела, не дерзкой насмешки, не новой войны.

Я хотел, чтобы эта чертова тишина наконец прекратилась. Но единственный человек, кто мог ее прекратить, ушёл. И, судя по всему, не собирался возвращаться.

Глава 9. Ева.

Он бросил трубку.

Вернее, отключился, оставив в воздухе щелчок, более красноречивый, чем любое ругательство.

Я опустила телефон на колени и смотрела в окно офиса. Дорогой, стильный офис в центре. Костя старался во всём соответствовать «статусу». Ещё один трофей в коллекции.

«Приезжай. Переезжай».

Я фыркнула вслух, и звук получился злым, нервным.

Идиот. Самоуверенный, испуганный идиот.

Он думал, что я — скорая психологическая помощь с походом в постель? Что я брошу всё и помчусь заполнять пустоту, которую оставила после себя его святая, серая жена?

Я не собираюсь становиться очередной «девочкой для битья». У меня совершенно другая цель.

Весь мой хитроумный, выстраданный план трещал по швам. Изначально всё было просто и ясно.

Цель №1: соблазнить шефа.

Не такого, как все мужики в кризисном возрасте, а Константина Громова — замкнутого, мощного, холодного, недоступного. Того, на кого заглядываются все, но кто ни на кого не смотрит.

Цель достигнута с блеском.

Я изучила его словно под микроскопом. Узнала, что ему льстит наглость, если она приправлена интеллектом. Я знала, что его бесит, и что заставляет уголки его губ приподниматься в подобии улыбки. Знала, что он устал от домашнего покоя и жаждет риска. Что его тянет к молодости не потому, что он стареет, а потому, что боится ощутить себя «прожитым».

Я стала этим риском. Этой молодостью. Со мной он почувствовал что живёт.

Не просто любовницей — вызовом, трофеем, подтверждением его силы. И да, я позволяла ему думать, что для него это просто игра, развлечение. Пусть чувствует себя хозяином положения. ПОКА.

Цель №2: из любовницы — в неофициальную жену.

Постепенно вытеснить ту, домашнюю. Стать необходимой в офисе и вне его. Влиться в его жизнь так, чтобы моё отсутствие стало невыносимым. А там... там видно будет. Может, и законная жена. А может, просто пожизненное содержание и статус самой влиятельной неофициальной женщины в его кругу. Я была готова на оба варианта.

Но эта дура Ариадна всё испортила.

Взорвала сцену раньше, чем я успела доиграть свой акт.

Она не стала тихо страдать, пить антидепрессанты и выпрашивать у него внимания. Не стала для него раздражителем, обузой...

Она просто взяла и ушла. Забрала детей, его покой и — что самое обидное — испоганила мой сценарий!

Он, должен с тоской перебирать мои фото и осознавать, что только рядом со мной он чувствует себя живым.

И что я слышу? Звонит и орет «Приезжай!», как потерянный щенок.

Он предлагает мне переехать не как победоносной любовнице, завоевавшей место любимой жены. А как жилетке для слёз. Как костылю, чтобы чувствовать себя увереннее...

Заполнить собой пустоту, которую оставила она. Чтобы своим телом и присутствием заглушать детский плач, которого он теперь не слышит.

— Ни за что, — прошептала я в тишину безупречного интерьера. — Ни за что на свете.

Я встала, прошлась по холодному полу.

Мне нужен был новый план. Потому что старый — «постепенное вытеснение» — сгорел в огне её внезапного бунта.

Теперь война шла на открытом поле. И Константин был не призом, а полем боя. Шахматной доской.

Он сейчас уязвим.

Одинок.

Зол.

Это можно использовать.

Но никаких переездов и открытых объятий. Это выглядело бы отчаянно. Дешево.

Я подошла к зеркалу во всю стену. Посмотрела на свое отражение — идеальный макияж, идеальная форма, идеальная маска уверенности. А внутри — холодный, ясный расчёт.

Дистанция.

Он не должен чувствовать, что я в его власти. Что я жду у телефона его звонка. Пусть помучается. Пусть осознает, что я — не лекарство от одиночества, а награда, которую ещё нужно заслужить.

Деловой подход.

Завтра на работе — абсолютный профессионализм. Ни одного намёка на личное. Только проекты, цифры, эффективность. Я должна стать для него незаменимой не в постели, а в офисе. Опора в хаосе. Единственная, кто не поддаётся эмоциям.

Ненавязчивый намёк.

Через пару дней, когда он снова позвонит вне работы (а он позвонит), и предложит поговорить, нужно дать понять, что я на его стороне. Но не как утешительница. Как стратег. Сказать что-то вроде: «Развод — это не конец света, Костя. Это бизнес-процесс. Нужно минимизировать потери. Я могу помочь взглянуть на это с холодной головой». Стать ему адвокатом, психологом и союзником в одном лице.

Терпение.

Ждать, пока он сам не придёт к мысли, что хочет видеть меня рядом. Настоящей. Не как временную замену. Когда он избавится от жены юридически и эмоционально, вот тогда можно будет говорить о будущем.

Я улыбнулась своему отражению. Улыбка получилась без тепла, но с бездной решимости.

Ариадна, своими неожиданными тихими действиями, дала мне бесценный подарок. Она показала ему, что его идеальный мир — карточный домик. И теперь мне нужно не ломать его вместе с ней, а помочь ему построить новый мир вместе со мной. И стать архитектором этого нового мира.

Мой телефон вибрировал. СМС. Не от него. От подруги, с которой мы когда-то обсуждали, как «зацепить» богатого мужчину.

«Ну что, Евка, как твой Громов? Готов уже развестись?»

Я набрала ответ, не задумываясь.

«Пока нет. Форс - мажор. Приходится кардинально менять план действий».

Я выключила свет, рабочий день закончился и поехала домой.

На улице уже темно. В темноте мысли были чётче. Я представляла его — один в том огромном, тихом доме.

Он сейчас пьёт. Злится. Бойтся.

И, возможно, впервые за многие годы думает не о том, как заполучить, а о том, как не потерять.

— Терпение, Ева, — прошептала я себе. — Всё идёт не по плану, но так даже интереснее. Хаос — лучшая среда для акулы. Выжидай и в нужный момент — атакуй. Но не тело. А душу и кошелек. По отдельности, а потом — вместе.

Дорогие читатели!

Представляю вам ещё одну невероятную новинку нашего литмоба "Война бывших"

от замечательного автора Марины Мартовой

"Бывшие. Ненависть между нами".

Он - сын криминального авторитета, чемпион с татуировкой на груди.

Я - студентка, поверившая в сказку... вот только в этой сказке оказался трагичный финал - измена, предательство, боль.

Через восемь лет мы встретились вновь, но теперь между нами только ненависть!

Читать книгу: <https://litnet.com/shrt/t54E>

Глава 10. Ариадна.

Утром отвезла Власа в школу, Варю в садик, а сама поехала к адвокату.

Адвокатское бюро Коврова, где мы встретились с Анной Семёновной Зацепиной находилось не в стеклянной башне в центре, а в старом, добротном здании с высокими потолками и скрипучим паркетом.

Это успокаивало.

Здесь пахло старыми книгами, древесной пылью и кофе, сваренным в турке.

Анна Семёновна женщина лет пятидесяти, с усталым, умным лицом и внимательными карими глазами. Она не улыбалась. Но в её взгляде не было и жалости. Был опыт и профессионализм.

— Садитесь, Ариадна.

Я устроилась в кресле напротив массивного стола, заваленного папками.

— Расскажите. С самого начала. Без эмоций, только факты.

И я рассказывала.

Голос сначала дрожал, срывался на шёпот.

Про то утро с телефоном.

Про поездку в «Сокол».

Про открытую дверь и то, что я увидела.

Про блокировку карт.

Анна Семёновна слушала, не перебивая, лишь изредка делая пометки в блокноте. Когда я закончила, в комнате повисло молчание, нарушаемое только тиканьем настенных часов.

— Доказательства у вас, по сути, одни — ваши слова и скриншот, который в суде могут не принять. А он будет настаивать на этом. Но это не беда. Ситуация с блокировкой карт при наличии несовершеннолетних детей — уже серьёзная ошибка с его стороны. И это нам поможет.

Снова запись в блокнот.

— Теперь давайте определим цели. Что вы хотите получить от этого процесса?

Я сжала руки на коленях, чтобы они не дрожали.

— Я хочу, чтобы дети остались со мной. Это самое главное.

— Это базовая позиция. С учётом того, что он обеспечивает, а вы — нет, он может подать заявление на проживание детей с ним. Но мы этого не допустим, — её голос был твёрдым. — Обоснуем вашу роль, как основного воспитателя. Блог и небольшой доход — в плюс. Он показывает вашу социальную активность. Теперь имущество.

Я посмотрела в окно, на голые ветки дерева за стеклом.

— Мне не нужен ни его дом... Ни его деньги, которые... которые пахнут всем этим. — Меня чуть не вырвало от отвращения при этой мысли.

— Это благородно, но глупо, — холодно отрезала Анна Семёновна. — Вы думаете о себе, о своей ущемлённой гордости, об обиде. Подумайте о детях. Им нужна крыша над головой, образование, лечение, если что. Вы хотите, чтобы они росли в доме ваших родителей?

Она остановилась давая мне возможность всё обдумать. А потом продолжила:

— Это хорошо как временное убежище. Но как постоянное жильё? Вы должны претендовать на половину всего, что нажито в браке. И я буду настаивать на этом. Дом? Квартира? Дача? Мы оценим, поделим или обяжем его выплатить вашу долю. Это не алчность. Это справедливость.

Её слова были как удар хлыста. Жёстко, больно, но отрезвляюще. Она была права. Моя гордость, моё омерзение — это роскошь, которую я не могла себе позволить.

Не для себя. Для Власа и Вари.

— Хорошо, — кивнула я, глотая ком в горле. — Но не всё. Только то, что реально нужно для жизни. Квартиру. Чтобы у детей были свои комнаты. Машину, ту, которая у меня сейчас, чтобы удобно было передвигаться с детьми. И... деньги на их содержание.

— Алименты, — кивнула Анна Семёновна. — Мы подадим заявление сразу. Он, конечно, взбеленится. Но это заставит его сесть за стол переговоров. Теперь самый сложный вопрос. Общение детей с отцом.

Моё сердце упало, превратившись в ледяную глыбу.

— Я... Я не хочу, чтобы он их видел. После всего, что он сделал... — голос предательски задрожал.

— Ариадна, — во взгляде Анны Семёновны появилась твёрдая, почти материнская строгость. — Вы этого не хотите. Я понимаю. Но суд этого не допустит, если он не алкоголик, не наркоман и не проявлял насилия.

Анна Семёновна минуту помолчала:

— Он отец. И он будет иметь право на встречи. Наша задача — установить такой график, который будет безопасным и комфортным прежде всего для детей. И который ограничит его возможность влиять на них и, через них, на вас.

Она открыла чистый лист в блокноте и взяла ручку.

— Предлагаю начать с жёстких рамок. Встречи только в присутствии третьего лица — социального педагога — психолога или вашей доверенной няни. Только в общественных местах: парк, кафе, детский центр. Не более четырёх часов в неделю. Без ночёвок. Никаких поездок за границу без вашего нотариального согласия. Мы заложим в соглашение пункт о запрете на присутствие посторонних лиц, а именно — его новой сожительницы, на встречах с детьми в течение, скажем, года. Чтобы не травмировать их.

Я слушала, и каждая фраза была словно поток воздуха. Она не просто предлагала. Она строила крепость. Законную, неприступную крепость вокруг моих детей.

— Он никогда на это не согласится, — прошептала я.

— Он не обязан соглашаться, — пожала плечами Анна Семёновна. — Тогда будет суд. И на суде мы предъявим факт шантажа через лишение средств к существованию. И историю с изменой, пусть и без железных доказательств, но как фон. Судья, особенно женщина, это учтёт. Он получит ещё более жёсткий график. Он прагматик и выберет из двух зол меньшее: согласится на наши условия, чтобы сохранить видимость отца и репутацию.

Она говорила о нём, как о противнике на шахматной доске. Без ненависти, но и без иллюзий.

— А что... что если он попробует отобрать детей? Оспорить моё право?

— Такое возможно. Будем стараться не допустить этого. Но Громов — это человек, который привык идти по головам в бизнесе. Тут может произойти тоже.

Она отложила ручку и сложила руки на столе.

— И отсюда вытекает последний и самый главный вопрос. Вы готовы к этому? К долгой, грязной, изматывающей войне? Он не сдастся после первого залпа. Он будет искать за что зацепиться, возможно фальсифицировать доказательства, деньги и связи позволяют. Он будет атаковать. Вы должны хотеть этого не просто сейчас, в гневе, на эмоциях. Вы должны хотеть этого завтра, через месяц, через год, когда будет невыносимо тяжело и захочется всё бросить ради «мира любой ценой».

Я подняла на неё глаза. Вспомнила его руку на бедре той женщины. Холод его поцелуя в щеку. Пустой дом, который был мне тюрьмой. И лица своих детей.

— Я готова, — сказала я. И в этот раз голос звучал тихо, но в нём не было ни дрожи, ни сомнений. — Я не отступлю.

Анна Семёновна долго смотрела на меня, словно проверяя не передумаю ли я. Потом кивнула.

— Хорошо. Тогда я начинаю работу. Я подготовлю заявления: на алименты, на определение порядка общения с детьми, на раздел имущества. Вам нужно будет только подписать. И ещё... — она немного помедлила, — вам нужны деньги. Не только на мои услуги. На жизнь. Я попробую выбить временное содержание в рамках брака. Но это время. Пока — рассчитывайте только на себя, свой блог и своих родителей.

— Я справлюсь.

— Верю, — она встала, давая понять, что встреча окончена. — Я свяжусь с вами, как только документы будут готовы. И, Ариадна...

Она запнулась, подбирая слова.

— Не отвечайте на его звонки. Не вступайте в переговоры без меня. Вы сейчас в самом уязвимом положении — между шоком и решимостью. Одно неверное слово, одна слабость — и он этим воспользуется. Молчание — сейчас ваше самое сильное оружие.

Я вышла из кабинета, и осенний ветер обжёг лицо.

Вчера на мою личную карту поступили деньги за рекламу в блоге. Сумма не большая, но на какое-то время нам хватит.

По дороге к машине я зашла в маленький магазинчик, купила продуктов, детям шоколадку и себе самый дешёвый кофе с собой.

Сев за руль, я не стала заводить машину. Я просто смотрела перед собой.

Я так старалась быть сильной, чтобы дети не видели меня плачущей. Я так хотела, чтобы они были счастливы, а не расстраивались, что мама плачет.

По щеке покатилась слеза. Я позволила себе немного поплакать от обиды и страха, пока никого нет рядом.

Взяв себя в руки, я вытерла слёзы.

Страх никуда не делся. Он был частью меня, но во мне появилось что-то новое. Я чувствовала рядом со страхом новую твёрдость и собранность. Чёткий план, составленный юристом, давал ощущение защиты.

Я достала телефон. В нём было несколько пропущенных вызовов от Константина и одно смс:

«Ариадна, давай поговорим как взрослые люди. Ты не представляешь последствий».

Я стёрла смс. Заблокировала его номер.

Взрослые люди? Он прав.

Именно как взрослый человек, я теперь буду с ним разговаривать, но только не в его кабинете или на кухне, а через адвоката.

Я завела машину и поехала по дороге, ведущей из города домой, туда, где вместе с няней меня ждали двое детей, тёплый свет в окне и начало моей новой, непростой, но своей войны.

Дорогие читатели!

Представляю вам следующую новинку замечательного автора

Анны Светловой "БЫВШИЕ. Реалити-шоу".

Блогер Виктория становится участницей скандального шоу «Битва бывших», где её противник — циничный бывший муж, жаждущий денег и мести.

Для него это азартная игра ради рейтингов, для неё — единственный шанс публично защитить себя. Под прицелом телекамер начинается игра, в которой победитель будет только один.

Читать: <https://litnet.com/shrt/zvM3>

Глава 11. Константин

Она не звонит. Не пишет. Не ползает. Не умоляет.

Исчезла.

Тишина в доме стала врагом.

Ни одного важного дела, которое могло бы отвлечь. Все дела вдруг обесценились перед одним - единственным фактом: «Она не звонит.»

Я снова налил виски. В третий раз за сегодня. Пить уже не хотелось, но нужно было чем-то заполнить руку, чтобы она не тянулась к телефону, чтобы не проверять в сотый раз, не разблокировала ли она меня.

Черт возьми, это унижительно. Это она должна была сидеть и ждать моего звонка. Моих решений.

Я посмотрел на экран смарт-колонки. Она всегда ставила детям сказки через нее. Теперь чёрный кружок молчал, как слепое, злое око.

Ярость, которую я пытался залить, не уходила.

Ариадна бросала мне вызов своим молчанием. Своим отсутствием. Она заставила меня, Константина Громова, почувствовать себя брошенным. Оставленным. И это чувство было хуже любой измены, хуже любого провала на работе. Это был крах моего миропорядка.

«Нет, дорогая, — подумал я, и пальцы так сильно сжали стакан, что он чуть не лопнул. — Так просто это не закончится. Ты думаешь, ты победила, забрав детей и уехав в свою деревню? Ты только начала игру. А я ее закончу. По своим правилам».

От этой мысли стало спокойнее.

Холодно и ясно.

Если она не понимает языка денег и лишений, она поймёт язык силы. Настоящей, беспощадной силы.

Я взял служебный телефон, не личный. Набрал номер, который знал наизусть. Виталий Гольдин. Мой юрист. Не по разводам — по тем делам, что по-настоящему важны. По слияниям, поглощениям, сделкам с недвижимостью и тёмным пятнам, которые нужно было стирать. Так же он мне помогал в непростых, щекотливых ситуациях, когда нужно было слегка обойти закон.

Он ответил на втором гудке.

— Константин Станиславович. Слушаю вас.

Его голос всегда был ровным, как стена. Без эмоций, без оценки. Инструмент.

— Виталий, есть дело. Срочное и личное.

— Говорите.

— Моя жена. Ариадна Игоревна. Она похитила моих детей и скрывается. Я хочу лишить ее родительских прав. Полностью и навсегда.

На той стороне провода повисла короткая, но красноречивая пауза. Секунд пять.

— Это серьёзное заявление, Константин Станиславович. Основания?

— Основания вы найдёте! — голос сорвался, я сделал усилие, чтобы взять себя в руки. — Она психически нестабильна. У неё нервный срыв. Она ведёт какой-то бредовый блог, одержима им. Она украла детей без моего ведома, лишила их привычной среды, бросила в какой-то холодный барак в деревне. Она не способна их обеспечивать. У неё нет денег. Она представляет для них опасность.

Я выпалил это все на одном дыхании, слыша, как в голосе звучит не убеждённость, а почти истерика. Замолчал, стараясь успокоить дыхание.

— По закону ваши права на детей равны, и считать это похищением не совсем верно. Есть ли у вас доказательства психического нездоровья? Заключение врачей? Факты, подтвер-

ждающие, что условия жизни детей сейчас — опасны? — Гольдин говорил все так же ровно, как будто обсуждал пункт договора.

— Нет! Но ты их получишь! — я ударил кулаком по столу. — Любые справки, любые заключения! Сходи к нашим людям в частной клинике, купи что надо. Найди свидетелей, которые скажут, что она была неадекватна. Ее подружек этих, блогерш дурных. Соседей. Нанять. Заплатить. Денег не жалеть. Ты меня понял, Виталий? Не жалеть!

Я почти кричал. В ушах звенело.

— Я понял, — ответил Гольдин. Его тон не изменился. — Вы хотите формальных оснований для подачи иска. Вне зависимости от их соответствия действительности.

— Я хочу результат! — прошипел я. — Хочу, чтобы эта... эта женщина исчезла из жизни моих детей. Чтобы она не имела на них никаких прав. Никаких! Чтобы она даже близко не могла подойти. Чтобы она поняла, что бывает с теми, кто переходит мне дорогу.

Я замолчал, ловя ртом воздух. По лицу катилась капля пота.

— Константин Станиславович, — голос Гольдина стал чуть тише, но не мягче. — Процедура лишения родительских прав — крайняя мера. Суды идут на это неохотно. Нужны очень веские доказательства: хронический алкоголизм, наркомания, систематическое оставление в опасности, жестокое обращение...

— Создай их! — перебил я. — Или найди! Она сейчас одна, без денег, в стрессе. Она может напиться. Может забыть детей где-то. Может накричать на них. Всё, что угодно может случиться. И это должно быть задокументировано. Твоя задача — сделать так, чтобы у суда не было выбора.

Наступило молчание. Долгое. Я слышал, как где-то на фоне у Гольдина плачет сигнал умных часов.

— Риски высоки, — наконец сказал он. — Если вскрыется фальсификация...

— Это мой риск! И моя ответственность! — рявкнул я. — Ты делаешь, что я говорю. И точка. Я плачу тебе не за советы по этике, а за результат. Испачкать ее репутацию? Да я ее в грязи утоплю! Пусть все знают, что она ненормальная, неблагодарная сука, которую я вытащил из нищеты, а она в ответ украла моих детей! Пусть почувствует, каково это — быть грязной и бесправной.

Я закончил, и в трубке было только моё тяжёлое дыхание. Гольдин молчал, переваривая.

— Хорошо, — наконец произнёс он. Сухо, как судья, выносящий приговор. — Я начну подготовку. Понадобятся ресурсы. И время.

— У тебя есть все ресурсы. А времени нет. Я хочу видеть первые документы через неделю.

— Постараюсь. И... Константин Станиславович... — он сделал микроскопическую паузу, — будьте готовы, что это навсегда изменит ваши отношения с детьми. Когда они вырастут, они могут узнать...

— Они вырастут со мной! — перебил я его. — Они забудут о ней. Я дам им все. Они будут благодарны, что я избавил их от неадекватной матери. Всё. Действуй.

Я бросил трубку.

Адреналин начал отступать, по телу прошла мелкая, ничтожная дрожь от осознания того, что я только что сделал.

Я поднял стакан, хотел допить, но рука дрогнула, и виски расплескался по руке, липкий и холодный. Я смотрел на эту влажную дорожку на коже.

Не раскаяние.

Нет. Пустота. И в этой пустоте — леденящее удовлетворение.

Наконец-то появился план. Жёсткий, прямой, безжалостный. Как удар тараном. Она хотела войны? Получит ее.

Получит такую войну, после которой от ее жизни не останется камня на камне. Она возомнила себя человеком, имеющим право на выбор.

Я у неё этот выбор отниму. Навсегда.

И, странное дело, когда я думал об этом, тишина в доме перестала давить.

Она стала союзником. Пространством для подготовки к бою.

Я спустился в винный погреб. Выбрал бутылку самого дорогого, самого выдержанного вискаря.

Не чтобы запить. Чтобы отметить.

Начало конца для Ариадны Громовой.

Я налил в новый бокал, поднёс к губам.

— За победу, — прошептал я в тишину.

И выпил.

Огонь распространился по жилам, согревая пустоту. Все будет так, как я решил.

Всегда так было. А ее судьба отныне — всего лишь юридическая формальность, которую я поручил уладить своему адвокату.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в эмоциональную новинку

от замечательного автора Ники Горской

"Больше не люблю"

**Когда-то я была готова бежать за ним босиком по стёклам,
теперь же я сделаю всё, чтобы наши жизни никогда больше не пересеклись.
<https://litnet.com/shrt/2Kvq>**

Глава 12. Константин.

Мысль о Марьяне, о няне, пришла ко мне утром, когда я пытался сварить себе кофе и в итоге пролил половину на идеальный гранит.

Марьяна.

Она знала. Она видела их последней. И она продолжала туда ездить.

Ко мне больше не приезжала. Деньги за месяц я ей перевел автоматически, но без лишней благодарности.

Я вызвал её к себе в офис. Не домой. Дом был священной, опозоренной территорией. Офис — место силы. Место, где я диктую условия.

Она вошла через пятнадцать минут после назначенного времени — дерзко.

— Константин Станиславович, — кивнула она, не улыбаясь. Голос ровный, но в глазах — стойкая настороженность. Она уже всё поняла.

— Марьяна, садитесь, — я указал на кресло напротив, не вставая. Давил роскошью кабинета, дистанцией, своим положением за массивным столом. — Как дела у детей?

— У детей всё хорошо, — ответила она, садясь на самый краешек. — Ариадна Игоревна старается. Влас в школу ходит, Варя в сад. Акклиматизируются.

— Акклиматизируются, — с горькой усмешкой повторил я. — В бараке посреди леса. Очень здорово. А вы не находите, что ваше дальнейшее участие в этой... ситуации — не совсем этично? Вы наняты мной. А помогаете человеку, который похитил моих детей.

Она не опустила глаза.

— Я помогаю детям, Константин Станиславович. И их матери, которая сейчас одна. Вы платите мне за работу. Я её делаю. Ухаживаю за Власом и Варей там, где они сейчас находятся.

Хладнокровная стерва. Преданная им. Но у каждого есть цена. Даже у таких.

— Я ценю вашу... преданность, — сказал я, делая вид, что рассматриваю карандаш на столе. — Но давайте говорить начистоту. Вам нравится ваша работа? Нравится стабильность, которую я обеспечиваю? Хорошая зарплата, оплаченные больничные, рекомендации?

— Это хорошие условия, — осторожно согласилась она.

— Они могут стать ещё лучше. Или исчезнуть полностью, — я поднял на неё взгляд. — У меня для вас предложение. Я снял коттедж. В двадцати минутах езды отсюда. Прекрасное место, охраняемый комплекс, всё для детей. Я хочу, чтобы дети жили там. Со мной. И я хочу, чтобы вы помогли мне их туда привезти.

Она замерла. В её глазах промелькнуло что-то вроде ужаса.

— Как... привезти?

— Очень просто. В следующий раз, когда вы поедете к ним, вы возьмёте детей, как обычно, на прогулку. И вместо парка вы привезёте их ко мне. По адресу, который я дам. Вот и всё.

— Это похищение, — прошептала она.

— Это возвращение детей отцу, — поправил я холодно. — Законному представителю. У неё нет никаких судебных решений в свою сторону. А у меня есть права. Вы просто поможете реализовать мои законные права. За вознаграждение, разумеется. Скажем... эквивалент вашей годовой зарплаты. Наличными. Сегодня. И дальнейшая работа у меня с удвоенным окладом.

Я открыл ящик стола, достал толстый конверт, бросил его на стол между нами. Он приземлился с мягким, увесистым стуком. В её глазах действительно мелькнула алчная искорка. Всего на секунду. Но я её поймал. Каждый человек имеет свою цену.

— А Ариадна Игоревна? — тихо спросила она, глядя на конверт.

— Ариадна Игоревна узнает, что дети с отцом. И это её, а не ваша проблема. Вы же говорите — вы работаете на детей. Так вот, с отцом им будет в сотню раз лучше. У них будет всё. А не жизнь впроголодь в развалюхе.

Она медленно покачала головой, отводя взгляд от конверта.

— Нет. Я не могу. Она мне доверяет. Дети мне доверяют. Я не могу их обмануть и украсть.

— Не обмануть, а спасти! — мой голос зазвенел, я встал, опершись ладонями о стол. — Вы видели, в каких условиях они там? Она их не прокормит! Она сойдёт с ума от бедности и стресса! Вы хотите быть соучастницей в том, что дети будут страдать?

— С ними всё в порядке! — она тоже встала, её тихий голос вдруг набрал силу. — Они не голодные. Они не плачут. Они скучают по вам, да. Но они с матерью. И она — хорошая мать. Я не стану помогать вам делать им больно. Ни за какие деньги.

Мы стояли друг напротив друга, разделённые столом и пропастью. Её лицо было бледным, но решительным. Эта решимость обожгла меня, как пощечина.

Еще одна женщина, которая говорит «нет». Еще одна, которая не понимает, кто здесь главный.

— Я вас увольняю, — сказал я тихо, ледяным тоном, в котором не осталось ничего, кроме чистого презрения. — С этого момента. Без выходного пособия. Без рекомендаций. Более того, я сделаю так, что в приличных семьях этого города вас на работу не возьмут. Ваша репутация будет разрушена. Вы помогали женщине похитить детей и скрывать их от отца. Я обеспечу, чтобы все это знали.

Её губы задрожали. Она смотрела на меня, и в её глазах уже не было страха. Была жалость. Та самая, которую я ненавидел больше всего.

— Делайте что хотите, Константин Станиславович, — сказала она, беря свою сумку. — Я не боюсь. А вы... вы просто одинокий, злой человек, который пытается купить людей, потому что не может заслужить любовь. Деньги за работу за последний месяц можете не переводить. Мне совесть не позволит их взять. А работу можно и в другом городе найти.

Она развернулась и вышла. Дверь закрылась мягко, но для меня это снова был тот самый оглушительный щелчок.

Я остался один. Конверт с деньгами лежал на столе, уродливый и ненужный. Я сгрёб его со стола и швырнул в стену. Пачки банкнот рассыпались по полу, как осенние листья.

Провал. Еще один.

Сначала жена, теперь няня.

Мир, который всегда подчинялся логике денег и власти, вдруг дал сбой. В нем завелись существа, которых не купить. Которые действуют по какой-то другой, абсурдной, сентиментальной логике.

Я сел, чувствуя, как пульсирует висок. Гнев сменился холодной, методичной яростью.

Хорошо. Очень хорошо.

Если эту нельзя купить, я найду ту, которую можно. Если нельзя действовать через предательство, я буду действовать через закон. Или через силу.

Я набрал номер Виталия Гольдина.

— Найди новую няню! — сказал я, без предисловий.

— Начинаю поиски. Требования?

— Молодая. Амбициозная. Жаждающая денег. Без лишних сантиментов и «привязанностей». Готовая выполнять инструкции. И чтобы у неё не было иллюзий насчёт того, кто здесь хозяин.

— Понял. Будут кандидаты завтра.

— И ускорь с документами по лишению прав. Я хочу действовать.

Я положил трубку и подошёл к окну. Город лежал внизу, покорный и безликий. Где-то там, за его пределами, в деревянной коробке, жили мои дети с женщиной, которая меня предала. И вокруг них выстраивался круг — няня, которая отказалась от денег, родители, которые, наверное, помогают. Круг сопротивления.

Я сжал кулаки.

Я разорву этот круг.

Раздавлю.

Я сменю няню, подкуплю или запугаю соседей, надавлю через её родителей. Я возведу вокруг неё такие стены, что она сама отдаст детей, лишь бы вырваться. Или сломается. Мне было всё равно. Важен был результат.

Пусть Марьяна считает себя благородной. Благородство не греет, когда у тебя нет работы и все двери закрыты. А у меня есть деньги, связи и бесконечное, всепоглощающее желание вернуть свое. Любой ценой.

Я посмотрел на разбросанные по полу деньги. Символ моей неудачи, но не поражения. Просто первый, затратный ход в долгой игре.

Я наклонился, подобрал одну пачку. Разорвал упаковку. Банкноты разлетелись веером. Я заплачу больше. В десять раз больше. И найду того, кто возьмёт. Всегда найдётся тот, кто возьмёт.

Мир таков, каким я его знаю. И я заставлю его снова работать по моим правилам.

Сантименты, преданность и любовь... Я выжгу их калёным железом из этой истории.

Начиная с неё.

Дорогие читатели!

Следующая книга литмоба "Война бывших"

от прекрасного автора Ольги Гольдфайн

"Бывшие. Без тормозов".

Что вы сделаете, если вас остановит на дороге

бывший муж - капитан ДПС? Она вдавила педаль в пол.

Новый роман о любви, которая опаснее нарушения ПДД.

Драма, страсть и чувства на грани.

<https://litnet.com/shrt/MDdB>

Визуализация Марьяна.

Визуализация

Марьяна - прежняя няня Власа и Вари Громовых.

Работала в семье с рождения детей, очень любит обоих. Уважает Ариадну. Отказалась предать Ариадну, за что была уволена с “волчьим билетом”.

Глава 13. Ева

Константин несколько дней не приезжал в офис.

Два дня назад он появился, но игнорировал меня, вызывая только в том случае, если была необходимость.

Я вела себя собранно и холодно.

Холод был моим щитом все эти дни.

Но сегодня, когда его шаги прозвучали за спиной, броня дала трещину.

Он подошёл так близко, что тепло его тела коснулось моей спины сквозь тонкую ткань блузки.

Запах — дорогой лосьон, сила, мужская злость — обволок меня, нарушив привычную дистанцию.

Он был моим «вложением» в моё светлое будущее, но он также был красивым мужчиной и страстным любовником.

— Ева.

Мое имя в его устах прозвучало как тёмное, хриплое обещание чего-то неотвратимого.

Я обернулась медленно. Его лицо было бледным от напряжения, тени под глазами выдавали бессонные ночи. Но в его взгляде горело нечто, от чего у меня перехватило дыхание — не бизнес, не расчёт.

Жажда. Дикая, необузданная.

— Константин Станиславович. Я собираюсь уходить. Отчеты у вас на столе.

— Нет, ты мне срочно нужна — он перехватил мой взгляд и резко двинулся к кабинету.
— Иди за мной.

Он впустил меня в кабинет, и повернул ключ.

Щелчок замка. Ловушка захлопнулась.

Он не зажёл верхний свет, только настольную лампу, отбрасывающую острый конус света на его рабочий стол, оставляя остальную часть кабинета в тревожных сумерках.

Он скинул пиджак на спинку кресла, расстегнул манжеты рубашки, сделал это резко, почти яростно.

— Давай поговорим. Говори всё, что думаешь, — его голос был сдавленным. — Я хочу слышать твой голос. Настоящий. Я сучал...

Я прислонилась к полке, скрестив руки, пытаясь собрать вокруг себя рассыпающуюся защиту. Но она не работала.

Я чувствовала его взгляд на своей коже. Он обжигал

— О чем? О том, как ты сейчас похож на загнанного волка? О том, что ты больше не контролируешь свою же жизнь? О том, что ты боишься? О том, что твоя идеальная жена, кажется, наконец-то открыла глаза и увидела тебя настоящим? Продолжать?

Он резко выпрямился и за два шага преодолел пространство между нами.

— Не смей говорить о ней... Не сейчас...

Его пальцы вцепились в мои плечи, не больно, но с такой силой, что я почувствовала, как поддаётся его напору все моё тело. Это не было насилием. Это было требованием.

— Ты видишь меня. Насквозь. И ты не отворачиваешься.

— Я вижу...

— Молчи.

И прежде чем я успела выдохнуть, его губы нашли мои. Это был не поцелуй, а нападение. Голодное, отчаянное, безрассудное.

И я... я ответила.

На миг.

Один единственный миг, когда все расчёты, вся осторожность сгорели в этом огне.

Мое тело вспомнило все — его силу, его натиск, ту животную радость, которую он умел дарить. Я вскрикнула в его рот, и мои руки сами потянулись, чтобы вцепиться в складки его рубашки, притянуть его ближе, потерять себя в этом шторме.

Его руки скользнули с моих плеч на талию, прижимая так, что не оставалось места для воздуха, для мысли.

В этом кабинете, в этой темноте, не было прошлого и будущего. Была только эта жгучая, сладкая, запретная правда нашего притяжения.

Он оторвался, чтобы прожечь губами линию по моей шее, к ключице, и я запрокинула голову, позволив ему это, теряя волю в глухом стане, вырвавшемся из горла.

Его ладонь жгла кожу через тонкую ткань блузки, и я уже почти... почти готова была забыть все на свете...

Но где-то в глубине, под слоями нарастающего тумана желания, зазвонил трезвый, ледяной колокольчик.

«Это ловушка. Это капитуляция. Это путь в никуда.»

Я замерла.

Всё моё тело кричало протест против этой остановки. Но я заставила руки, которые уже впились в его волосы, разжать пальцы. Заставила спину, выгнутую навстречу ему, выпрямиться.

— Стой, — выдохнула я, и мой голос прозвучал чужим, хриплым от страсти. — Остановись, Константин. Костя, Нет. Отпусти меня!

Он не послушался сразу, его губы продолжали свое движение, а рука уже тянулась к замку на моей юбке.

— Я сказала, стой! — в голосе впервые прозвучала не холодная резкость, а почти истеричная сила.

Я рванулась назад, отрываясь от него с таким усилием, будто отдирала кожу.

Мы оба тяжело дышали, смотря друг на друга в полумраке. На его лице было недоумение, злость и незатухающая, дикая жажда.

— Почему? — его вопрос был больше похож на рык.

— Потому что так нельзя! — мои руки дрожали, я обхватила себя, пытаюсь унять эту дрожь, сохранить последние крохи достоинства. — Ты не обнимаешь меня. Ты тонешь. И ты топишь за собой всех вокруг. Сначала жену, теперь... меня? Нет. Я не буду твоим спасательным кругом, который ты разорвёшь в клочья. Я не буду... вещью, которую используют, чтобы забыть.

Он сделал шаг вперёд, и я отступила к двери, спиной натываясь на дерево.

— Ты для меня не вещь, — прошипел он. — Ты единственная...

— Реальность? Правда? — перебила я, и в глазах выступили предательские слезы гнева и обиды. Я смахнула их тыльной стороной ладони резким жестом. — Прекрасно. Тогда начни с реальности. Разберись в своём бардаке. Прими решение. А потом... потом, может быть, мы поговорим о том, чего мы хотим друг от друга. Если к тому времени еще будем чего-то хотеть.

Он застыл, изучая моё лицо. Желание в его глазах медленно гасилось, сменяясь холодной, расчётливой яростью.

Но и восхищением тоже.

Он видел, что я едва не сломалась. И видел, что я все же устояла.

— Ты жестокая.

— Нет. Я просто не хочу быть очередной твоей ошибкой.

Я повернулась к двери, к запертому замку. Моя рука на ручке все еще дрожала.

— Открой... Пожалуйста...

Он молчал так долго, что я уже подумала, он не отпустит. Но потом раздался мягкий скрежет ключа, и замок щёлкнул. Он не подошёл. Он просто стоял у двери, побеждённый и от этого еще более опасный.

Я вышла, не оглядываясь.

Только за дверью, в холодном пустом коридоре, позволила себе прислониться к стене и закрыть глаза.

Все тело горело. Губы пульсировали.

Внутри все сжималось от неудовлетворённого желания и ледящего страха.

Я едва устояла. Еще секунда, еще миг слабости — и все было бы кончено.

И теперь я знала наверняка. Он не отступит.

Он, вкусив эту власть и эту страсть, но получив отказ, уже не остановится.

Его следующее действие будет жестоким, расчётливым и беспощадным. Чтобы доказать свою силу. В первую очередь — себе.

Мои самые замечательные!

Хочу порекомендовать последнюю книгу нашего литмоба "Война бывших"

прекрасного автора Дамиры Славской

"Бывшие враги"

Год назад он растоптал меня, предал. Сделал все, чтобы я потеряла нашего ребенка, семью, дом.

Но я воскресла из пепла и объявляю ему войну.

Читайте тут: <https://litnet.com/shrt/o2tB>

Глава 14. Константин

Я вернулся в центр кабинета, в островок света от лампы, и чувствовал, как адреналин, только что бурливший в крови горячим, яростным потоком, внезапно кристаллизуется. Превращается во что-то твёрдое, холодное и очень тяжёлое.

Камень в груди.

Глыба льда в животе.

Я поднял руку, разглядывая свои пальцы, те, что только что впились в её плечи, чувствовали под собой упругость её тела, дрожь, пробежавшую по её коже в ответ на мои прикосновения.

Они теперь слегка дрожали.

От ярости.

От неудовлетворённости, которая была физической болью.

Она ответила. Чёрт возьми, она ответила!

На миг она была не ледяной статуей, а живой, пылающей женщиной. Я чувствовал это всем своим существом.

И она посмела остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.